ISSN 0131—5994

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА № 6/86
Июнь

ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ XII ВСЕМИРНОГО. Идет заседание международного трибунала. Представители молодого поколения планеты судят своего заклятого врага — империализм.

Фото В. РОДИОНОВА (АПН)

В НОМЕРЕ:

То, что вы прочтете ниже,— это серьезно. Очень серьезно, как бы наивно, а может быть, и забавно ни выглядело на первый взгляд. Действительно, трудно удержаться от улыбки, читая рассуждение семилетнего Джея Р. из Арлингтона: «Если бы все бомбы на свете заразились корью, никто бы их и не трогал». А рядом строка Филлис Х. из Далласа: «Ядерная война — страшная. Можете спросить у мертвых», и от того, что ее написал девятилетний ребенок, становится не по себе, да и забавное умозаключение Джея Р. перестает казаться таким уж забавным.

Но не уныние, а оптимизм вызывает появление книги «Пожалуйста, спаси мой мир!», написанной американскими детьми, потому что в ней — неважно, обращенное ли к президенту США, к господу богу ли — требование покончить с подготовкой к ядерной войне, осуждение из будущего безумных планов атомного пожара. Словно дети Америки водят рукой Истории, подписывая власть имущим своей страны ее предупреждение и приговор.

ПОЖАЛУЙСТА, СПАСИ МОЙ МИР!

ДЕТИ ГОВОРЯТ «НЕТ!» ЯДЕРНОЙ ВОЙНЕ

Если планета Земля не запретит бомбу, тогда планета Земля перестанет быть планетой Земля.

Джейн К., 7 лет. Бостон

Сначала я собрал бы всех генералов и посадил в большую лодку посреди океана.

А потом бы я забыл, что их надо оттуда забрать.

Роберт Стюарт, 9 лет.

Дорогой господин Президент!

Пожалуйста, не сбрасывайте бомбу. Я учусь в третьем классе и очень хочу перейти в четвертый.

Ваш гражданин, Эрон Р., 8 лет. Бостон

Маленькие дети и зверята не хотят войны.

Хотят только взрослые и крокодилы.

Энтони Р., 10 лет. Атланта

Я очень-очень волнуюсь, что будет ядерная война, а мне волноваться еще рано.

Билли К., 7 лет. Лас-Вегас

Человек, который изобрел ядерную бомбу, наверное, ненавидел людей.

Джек Б., 10 лет. Вашингтон, округ Колумбия

Если все на свете говорят, что они за мир, почему у нас до сих пор есть ядерные бомбы!

Значит, кто-то говорит неправду.

Джоан Г., 10 лет. Бруклин

Одной бомбой можно взорвать весь мир. И все умрут. Даже тот дурак, который придумал эту бомбу.

Эрик Р., 10 лет. Сиэтл

Надо все бомбы отнести в банк и запереть, тогда их никто не достанет, потому что никто не сможет залезть в банк.

Энни Г., 7 лет. Болдуин

PLEASE SAVE MY WORLD

Children Speak Out Against Nuclear War

edited by BILL ADLER

Адам был первым человеком на земле. Надеюсь, что не я буду последним.

Билли К., 7 лет. Чикаго

Я — за ядерное замораживание. Даже летом.

Энди Х., 8 лет. Сиэтл

Дорогой господин Президент!

Пожалуйста, не начинайте войну, даже если вы разозлитесь на русских.

Моя мама всегда мне говорит, если я на кого разозлюсь, я должен сначала сосчитать до десяти.

Ваш гражданин, Беннет К., 9 лет. Цинциннати

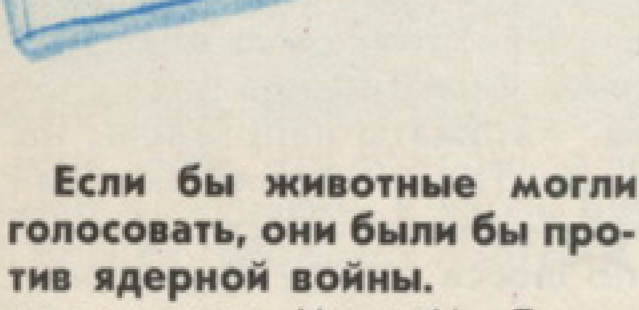
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД МИРА

Дорогой Астронавт!

Пожалуйста, когда вы опять полетите в космос, отвезите ядерные бомбы на Луну и оставьте там.

Ваш Друг, Ричард Л., 9 лет. Чикаго

Если бы животные могли голосовать, они были бы против ядерной войны.

Марк М., 7 лет. Лос-Анджелес

«На следующий день» — это телевизионный фильм про то, что будет, если начнется ядерная война [1].

Я посмотрел и подумал: если начнется ядерная война, никакого следующего дня не будет.

Барри Ф., 10 лет. Питтсбург

Если будет третья мировая война, то четвертой мировой войны уже не будет, потому что от мира ничего не останется.

Глория М., 8 лет. Лас-Вегас

Никто не спасется от бомбы. Даже Супермен.

Деннис А., 8 лет. Питтсбург

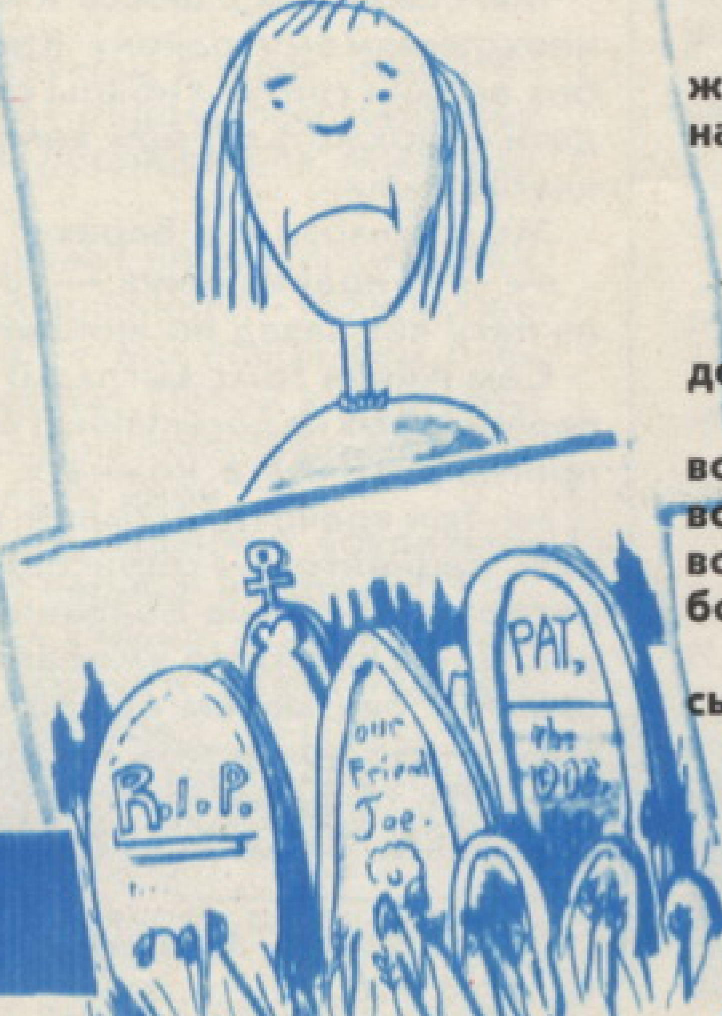
Дорогой господин Президент!

Пожалуйста, носите в Белом доме рукавицы, тогда вы не сможете нажать пальцем на кнопку.

Энди С., 9 лет. Сан-Франциско

С тех пор как я узнала про бомбу, я уже не так часто улыбаюсь.

Джудит К., 7 лет. Нашвилл

Ядерная война — страшная. Можете спросить у мертвых.

Филлис Х., 9 лет. Даллас

Если мы не перестанем делать бомбы, кладбищ будет больше, чем городов.

Говард К., 9 лет. Бронкс, Нью-Йорк

Если мы не запретим бомбу, скоро на небесах начнется ужасная давка.

Брайан Р., 9 лет. Сиэтл

Я нарисовала, что будет, когда взорвется бомба.

Это — пустота.

Синтия К., 8 лет. Окленд

Я открываю новый клуб. Он называется «Дети против бомбы». Пока единственный член клуба — это я.

Венди Н., 9 лет. Майами

Бомба! Давайте ее уничтожим, пока она не уничтожила нас!

Франческа С., 8 лет. Лос-Анджелес

Дорогой господин Президент!

Если американцы не хотят войны, и русские не хотят войны, и китайцы не хотят войны, зачем нам ядерные бомбы!

Только деньги зря выбрасываем.

Джером Х., 8 лет. Монтгомери

Если бы все бомбы на свете заразились корью, никто бы их и не трогал.

Джей Р., 7 лет. Арлингтон

Я не хочу быть последним человеком на земле, потому что тогда мне будет не с кем играть.

Лора Р., 6 лет. Буффало

Дорогая мамочка,

я коплю карманные деньги, чтобы дать объявление в газете.

Объявление такое: «Запретить бомбу».

Я надеюсь, что успею собрать деньги на объявление.

Твоя дочь Джейн Х., 8 лет. Такома

Дорогой бог!

Пожалуйста, спаси мир.

Даже если он тебе и не нравится.

Лайонел Т., 8 лет. Херси

Больше всего я боюсь бомбы и зубного врача.

Холли Г., 7 лет. Сиэтл

Розы цветут,
И фиалки цветут.
Если с бомбой не сладим,
То розы умрут.

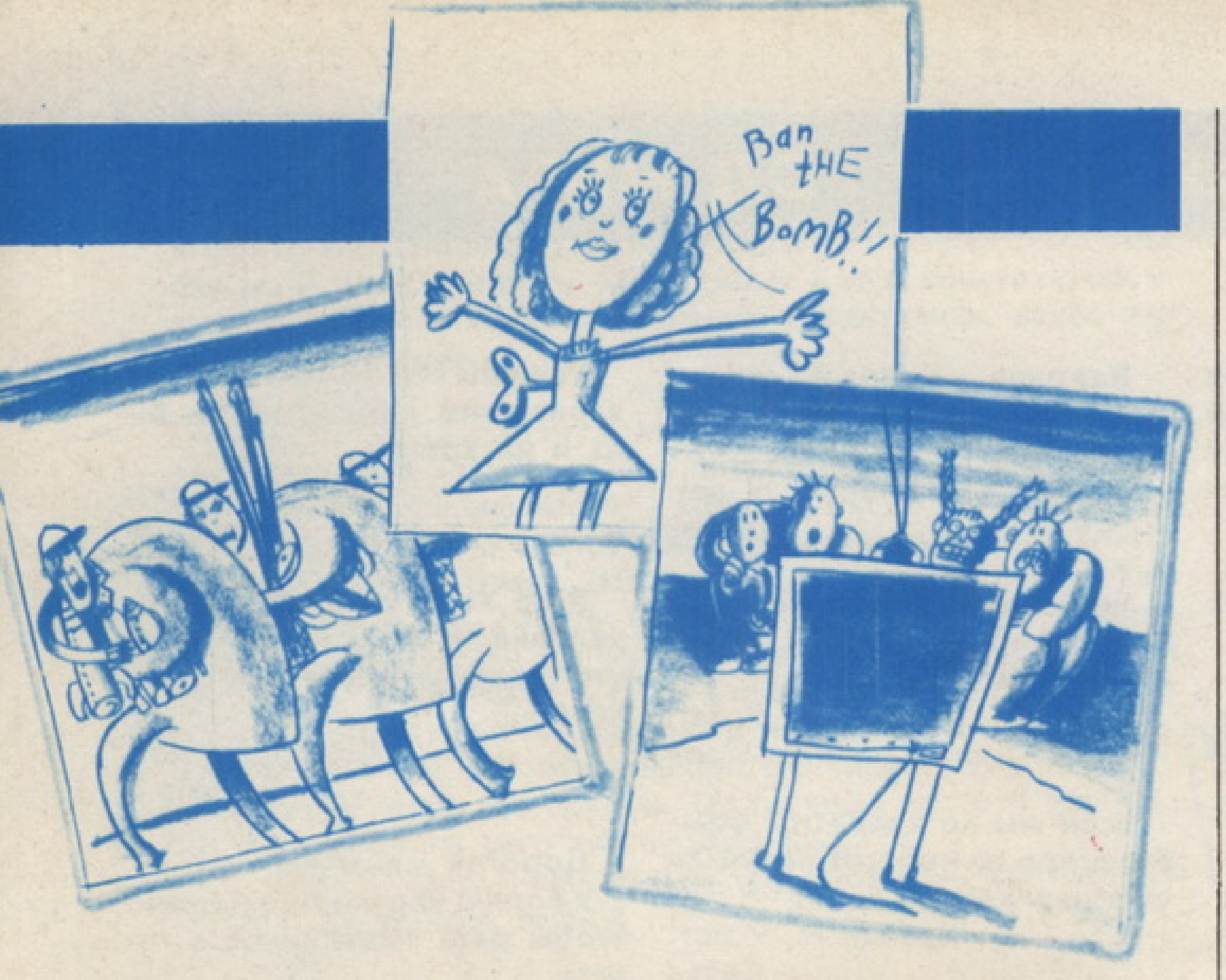
Марша Х., 9 лет. Кливленд

Дорогой Президент США!

Пожалуйста, запретите бомбу, даже если вы поте-

---

[1] *Телефильм «На следующий день» рассказывает о том, что будет, если вспыхнет ядерный конфликт. По замыслу создателей, писала «Литературная газета», фильм должен был «подтолкнуть народы Земли на то, чтобы избежать этого дня».— Прим. ред.*

ряете несколько голосов.
Мэнди К., 9 лет.
Лос-Анджелес

Я надеюсь, что бомбу запретят навсегда, лучше быть живыми, чем мертвыми.
Вики С., 9 лет.
Буффало

Надо сделать Куклу мира. Ты ее заводишь, а она говорит: «Запретите бомбу».
Стелла А., 8 лет.
Чикаго

Разве можно верить взрослым, когда у них ружья и бомбы.
Синтия Г., 8 лет.
Милуоки

Дорогой сэр,
телефильм «На следующий день» — это правда!
Надеюсь, что нет, потому что, если это правда было, тогда это большая беда.
Льюис С., 8 лет. Сиэтл

Ядерная
война —
это
очень
вредно
для
здоровья.
Бетси Г., 9 лет.
Чикаго

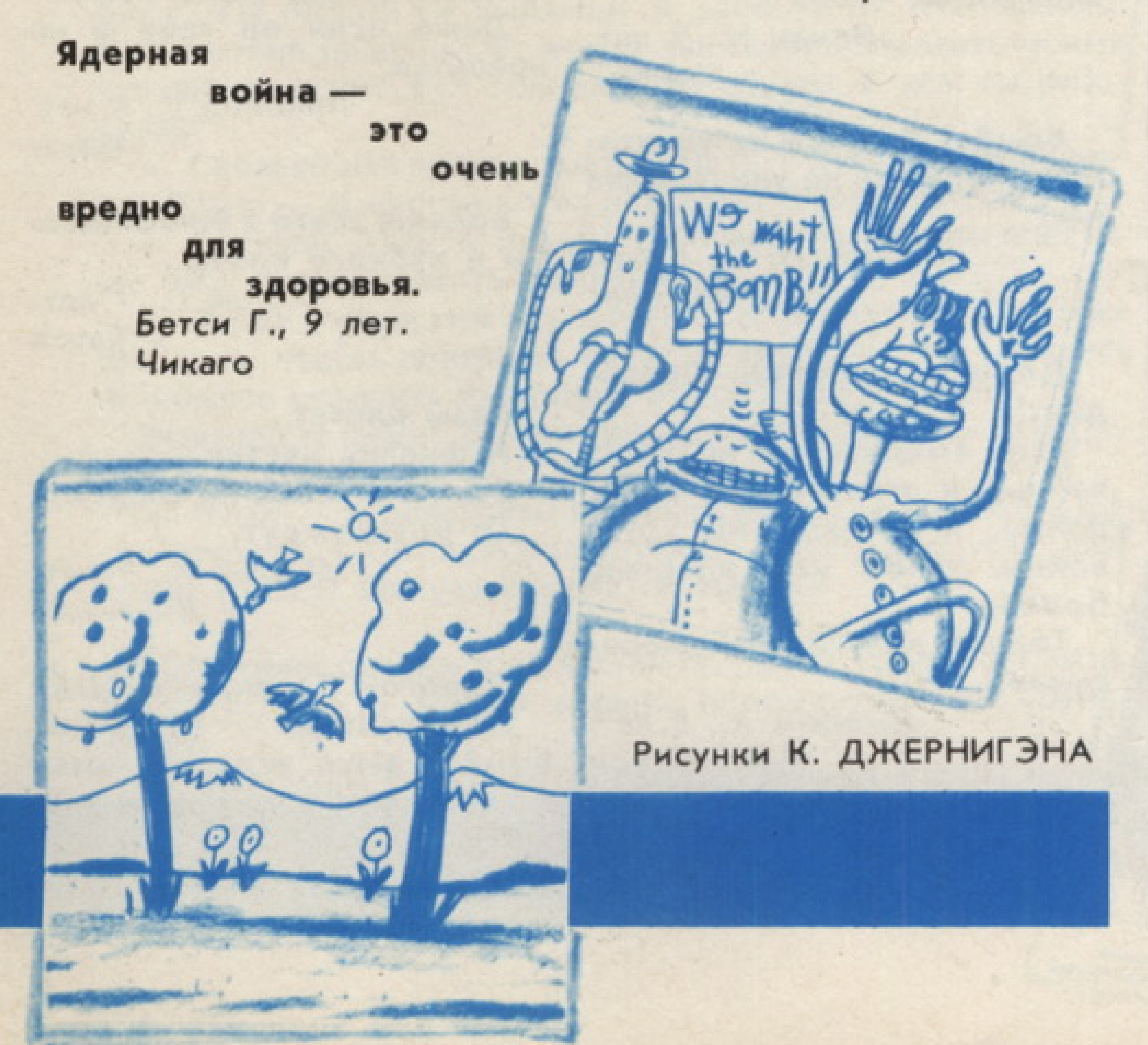
Если сбросят ядерную бомбу, не будет больше ни гор, ни океанов, ни озер, ни рек.
Останется одна пустыня, а кому нравится жить в пустыне.
Голди Д., 9 лет.
Спокан

Если мы не перестанем делать бомбы, кто позаботится о цветах!
Нил Г., 9 лет. Сиэтл

Все в мире против бомбы, а за бомбу — одни дураки.
Деннис Г., 5 лет.
Бостон

Дорогой бог!
Пожалуйста, спаси наш мир.
Другого-то у нас нет.
Руфус Х., 8 лет.
Сиэтл

Перевела с английского
Нора КИЯМОВА

Рисунки К. ДЖЕРНИГЭНА

Предисловие к репортажу из ЮАР западногерманского журнала «Элан»:

«Две сотрудницы западногерманского журнала «Элан» «пропали»; даже в редакции мало кто знал об их местопребывании. А они тем временем находились в стране, где господствуют самые уродливые формы расизма, произвола и насилия: они путешествовали по Южной Африке.

Только скудные сообщения о преследованиях черного населения доходят до нас. Редкие фото. Кто сфотографирует полицию в действии, получит десять лет тюрьмы. За журналистами следят. Поэтому сотрудницы «Элана» выдавали себя за туристов. В их кокетливых сумочках были спрятаны записные книжки с зашифрованными именами и номерами телефонов — имена людей, которые могли бы им помочь. Мы не называем ни этих людей, ни наших сотрудниц — по соображениям безопасности».

— Прекрасная страна. Белые будут дураками, если позволят ей уплыть у себя из рук,— убежденно говорит нам эксперт по Южной Африке из бюро путешествий в Дюссельдорфе. И добавляет успокаивающе: — Но армия держит дело в своих руках. Так что вам не о чем волноваться. Для туристов нет проблем.

Мы вылетаем из Дюссельдорфа. В аэропорту на прощанье мы видим стену, заклеенную плакатами: «Свободу Нельсону Манделе!» [1]

Тайными путями мы выходим на Мика, активиста сопротивления апартеиду.

Он везет нас в пригород Кейптауна. По обе стороны дороги простирается скудная каменистая равнина.

— Берегите камеры! — советует нам Мик и кивает на фотоаппараты, висящие у нас на животах с открытыми объективами и взведенными затворами.— Служба безопасности особенно не любит фотографов.— Он рассказывает, что солдаты сбивают фотографов с ног: мир не должен видеть, как армия разгоняет похоронную процессию черных.— Въезжаем в Кроссроудс, черный поселок,— говорит Мик и, несмотря на жару, поднимает стекло автомобиля. Он прибавляет скорость и оглядывается по сторонам.

В следующее мгновенье мы понимаем, почему он оглядывался: огромный, коричневый бронетранспортер стоит на обочине. Дальше — еще один. Они стоят вдоль всей улицы. За высокими бронированными бортами прячутся солдаты. Торчат стволы автоматов. Автоматы направлены на противоположную сторону улицы. Там — неописуемо нищие хибары из картона, фанеры и ржавой жести. Между хибарами люди — черные. А по шоссе между бронетранспортерами и хибарами, между нищетой и дулами автоматов едем мы. Наши камеры щелкают.

Мы просим Мика провезти нас по поселку. Он медлит с ответом:

— Поселок окружен солдатами. Повсюду агенты службы безопасности. Но попробуем...

Мы съезжаем с шоссе и несколько минут спустя едем по неохраняемому району Кроссроудса. Крошечные домики без воды и света. Хибары стоят одна к другой, перед ними дети в лохмотьях, при каждом порыве ветра вздымаются клубы пыли.

Мы тормозим у барака.

— Это поликлиника,— говорит Мик.— Она была основана пять лет назад по инициативе Айвена Томса.

Сам Айвен Томс выглядит усталым, но в его красных, воспаленных от недосыпания глазах чувство гордости, когда он приглашает нас в комнату.

— Три врача принимают здесь ежедневно сто семьдесят пять пациентов,— обрисовывает он ситуацию.— Наиболее распространенные болезни: недоедание, туберкулез и понос, из-за которого умирает в здешних условиях много детей. Мы оказываем помощь и раненым,— говорит доктор Томс.— Но поместить их здесь, в больнице, не можем, потому что тогда их арестуют. Солдаты стреляют в черных не колеблясь. Человеческая жизнь здесь не стоит ничего.

[1] *О Нельсоне Манделе «Ровесник» писал в № 1 и 3 за 1986 год.*

СТРАНА В ОГНЕ

Томс знает, что его самого как белого могут призвать в армию и направить в части, действующие против черных. Он провел голодовку протеста, длившуюся двадцать один день.

— Я никогда не надену форму вооруженных сил.— Томс неохотно говорит о своей голодовке, за которую мог поплатиться шестью годами тюрьмы (как отказавшийся от военной службы).— Я просто пытался показать свою солидарность с черными. Что такое три недели поста по сравнению со смертью ребенка, с отравлением слезоточивым газом и избиениями!

Дорожная полиция пристраивается нам в хвост. Мик что-то бормочет. Полицейский уже едет рядом, рассматривая нас. Он показывает, что мы должны остановиться. Мик тихо чертыхается.

— Что вы там делали? — спрашивает полицейский. Мик несет что-то о больном друге в поликлинике.— Почему же черные не швыряли в вас камнями? — Мы пожимаем плечами. Он внимательно разглядывает нас. Потом кивает. Мы свободны. Нам повезло. На что способна южноафриканская полиция, мы узнали спустя несколько дней.

Наши друзья везут нас в Атлону, смешанное поселение на окраине Кейптауна. Здесь живут черные и цветные.

— Сопротивление в Атлоне очень сильно. Полиция тоже работает вовсю,— объясняют нам друзья и просят не брать с собой ни фотоаппаратов, ни блокнотов.

По дороге в Атлону мы видим повсюду горящие свечи — в окнах, в садах, на мосту. В некоторых кварталах полная темнота — только свечи.

— Ребята перерезали провода уличного освещения,— объясняют наши друзья.

Въезжая в Атлону, мы зажигаем свечу в нашей машине. Главная улица полна народу. Автомобили стоят один за другим и гудят. Дальше не проедешь. Кто-то стучит в боковое стекло. «Тушите свечку! Солдаты на улице!»

Том, наш шофер, нервничает. Он сворачивает в переулок. Вдруг из темноты на нас с криками выбегают сотни людей. Мы с ужасом видим, как высокая военная машина выбрасывает из себя струи газа и гонит людей в нашу сторону. Том вывертывает руль и выезжает обратно на улицу.

Надо спасаться! Если нас задержат, как мы объясним, что делали тут, в черном поселке, во время запрещенной манифестации протеста? Мы ведь туристы. Том крутится по переулкам: все улицы перегородили бронетранспортеры. Наконец Том находит выезд из осажденной Атлоны.

На следующий день Хитер, белая студентка, нам рассказывает:

— Сначала все шло вполне мирно. Нас собралось несколько сотен, все со свечами. Мы пели и скандировали лозунги. Внезапно кто-то крикнул: «Назад!», и тут же я услышала «бэнг», «бэнг» — выстрелы газовых пушек. Военная машина ехала прямо на нас. Мы разбежались быстро, как могли. Вдруг я почувствовала удар по спине. Кто-то схватил меня за плечо. Я повернулась и получила удар дубинкой в грудь. Это был полицейский. Он бил меня с остервенением и остановился, только когда я упала.— Хитер показывает нам сине-зеленые кровоподтеки.— Но все равно мне повезло. В одной только Атлоне вчера арестовали девять человек.

В тот день это были газовые пушки. Неделю спустя, во время манифестации со свечами в Атлоне, солдаты открыли огонь из автоматов...

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

СМОТРИТЕ

Десять лет назад, в июне 1976 года, в Соуэто, пригороде Йоханнесбурга, где живет черное население, вспыхнуло народное восстание. Армия и полиция жестоко подавили его: погибли сотни людей. Сегодня, десять лет спустя, положение в расистском государстве ЮАР можно сравнить с клокочущим вулканом: бесправное и угнетенное большинство страны требует покончить с апартеидом. Таких массовых выступлений еще не знала история Южной Африки. Ответ белого расистского меньшинства, как и десять лет назад в Соуэто, прежний — убивать, подавлять, сажать за решетку. За последние месяцы погибли сотни человек, тысячи посажены в тюрьмы. На фотографиях этого разворота — звериное лицо южноафриканского расизма, готового на любые преступления ради сохранения апартеида — позорного порождения капитализма.

Это исповедь человека, согласно законам, царящим в расистской ЮАР, рожденного быть господином, повелевать по примеру предков «черными рабами». Своей исповеди он сам предпослал заголовок «Дезертир», имея в виду свое отступничество от догм расизма и драматические переживания, связанные с этим шагом. Однако, рассказывая о снедающей его нравственной драме, Риан Малан в известной степени рисуется своими переживаниями, рассчитывая на сочувствие читателя.

Но вправе ли он, человек, который не может жить по законам клана угнетателей и потому бегущий в другие страны, ждать его! Ведь тысячи белых граждан ЮАР, в том числе и те, о которых в своем репортаже упоминают корреспонденты журнала «Элан», вступают в активную борьбу за права черного большинства Юга Африки, отвергая позицию сторонних наблюдателей позора, которым покрыли себя господствующие в стране сторонники апартеида. Р. Малан — не в их числе, а потому заголовок «Дезертир» приобретает смысл, на который автор не рассчитывал,— дезертир из рядов борцов, наглядная иллюстрация разложения клана расистских господ, предвестник их неминуемого краха.

Я — африканер, представитель белого племени Африки, завоевавшего Юг континента и там, с божьего благословения, установившего абсолютную расовую сегрегацию. Два столетия назад члены нашего клана Маланов участвовали в великом походе от мыса Доброй Надежды в глубь континента, покоряя черные племена и создавая крохотные бурские республики, где потом правили в соответствии со своим угрюмым толкованием Ветхого завета.

В год, когда я родился, 1954-й, белым племенем руководил член моего клана Даниел Франсуа Малан. Африканеры, как и двести лет назад, были белыми, богобоязненными, невежественными и прямолинейными. Мне с рождения была уготовлена участь — защищать врата рая от варваров, то есть черных. Но я рос предателем. Возможно, потому, что мой отец был очень нравственным человеком и убежденным расистом, случается, что эти два качества уживаются в африканерах. Когда мне было лет пять, отец попросил об одолжении: высунуться в окно нашего «седана» и подозвать черного служащего бензоколонки. Я высунулся и чуть не крикнул: «Мальчик!» — так было принято, но тут, не знаю почему, мне вдруг показалось, что это грубо и оскорбительно. Я хотел было крикнуть: «Ты!», но и так, по-моему, звучало не лучше. Тогда я крикнул: «Сэр!» — и впервые почувствовал, пока еще смутно, что я и отец — разные люди.

Шли годы, я становился одним из тех, кого в нашем племени презрительно называют «каффирбоетие» — «ниггеролюб». Когда родителей не было дома, сидя в кресле отца, я потчевал чаем сына садовника: многие мои друзья были черными, и я вырос в аморфного социал-демократа с длинными волосами. Я мнил себя революционером, но вся моя политичность не шла далее неприязни к африканерам с их аккуратными усиками и коротко постриженными головами со злобными умишками — безумные алхимики апартеида. Я симпатизировал черным, считал апартеид несправедливым и жестоким, но не помышлял вступать с ним в борьбу. А в остальном, учитывая страшную реальность политической жизни моей страны, я просто шутил.

«Эй, капитан Кронурайт, я просто шутил»,— сказал я в секретной полиции. Меня допрашивали по поводу перехваченного ими письма к приятелю. У меня не хватало мужества ни для апартеида, ни для революции. И в двадцать два года я поднялся по трапу самолета — и был таков.

Я обещал отцу не позорить его имя — не выставлять себя отщепенцем и не просить политического убежища. Я прибыл в Европу как африканер, и мне дали пинка во всех европейских странах, где я побывал. Я осел в США, в Лос-Анджелесе. Заняв свое место в безродной американской жизни, я продолжал оставаться все тем же либералом, сидел с такими же либералами, и мы поддакивали друг другу, болтая о Латинской Америке и, конечно, о Южной Африке — уничтожить этих белых расистов!

Шли годы, ситуация в Южной Африке все ухудшалась, и всякий раз, когда я говорил о моей стране, я чувствовал себя предателем. Да, я всегда мог сказать несколько звонких фраз, что покинул родину, не пожелав взять в руки оружие, чтобы защищать апартеид. Но сам я не верил этим словам. Я знал, что уехал из страха и нерешительности. Я боялся действовать и сгорал от стыда, я ненавидел свое племя и боялся гнева, зревшего в сердцах угнетаемых им черных. Я должен был найти в себе мужество и встать на чью-то сторону. Но не смог. Вместо этого сбежал и восемь лет прятался на другом краю земли. Между тем я оставался африканером и был обязан разделить судьбу моей страны.

Я вернулся домой — снова увидеть красный песок Африки, еще раз попытаться найти себя как африканер, как человек. В день моего приезда в Йоханнесбурге шел дождь, первый настоящий дождь за три года засухи. Экономика переживала упадок. Фирмы разорялись, каждый день примерно по пять вылетало в трубу. Белые, которые несколько лет назад ни на что не обращали внимания, теперь жаловались на дороговизну апартеида: половина их жалованья шла на содержание армии, сорока пяти тысяч полицейских и марионеточных правительств в бантустанах. Забастовки черных рабочих, бойкоты, политические выступления и столкновения с полицией стали обычным делом. Сравнительно тривиальные факты, как телесные наказания в школах или повышение квартирной платы, вели к массовым демонстрациям и к человеческим жертвам.

Я ездил по городу, населенному призраками. Многие, с кем я вырос, подобно мне уехали в Англию, в Австралию, другие ушли в подполье, как М., ждавший суда в Ботсване; многие давно женились, народили детей и ломали головы, стоит ли народить еще или пора остановиться.

Стихия гнева клокотала в стороне от белых кварталов, но страшные предчувствия уже витали здесь. Несколько месяцев назад город охватил слух, будто некая подпольная организация черных назначила «день истребления» белых. К слуху отнеслись серьезно. Я стоял в очереди к кассе в одном магазине, из-под рубашки стоявшего передо мной торчала рукоятка пистолета, человек перед ним был тоже вооружен. Они приготовились.

Южноафриканцы моего поколения росли со знанием неотвратимости катаклизма, должного вот-вот случиться. Когда я вернулся домой, я только начинал осознавать, насколько накалилась атмосфера, повсюду замечая признаки этой энергии, готовой прорваться наружу; черные прохожие шли, чрезмерно подчеркивая свое достоинство, высоко подняв головы, подростки дерзко смотрели прямо в глаза, готовые скорее погибнуть, чем жить под апартеидом.

Были и другие внешние перемены, случившиеся в мое отсутствие: угрюмое лицо апартеида старалось смягчить свое выражение. В одном из парков у открытой сцены я увидел толпу белых и черных подростков. Группа черных африканцев в национальных одеждах выстукивала ритм на тамтамах, а белые и черные юноши и девушки танцевали, не смущаясь друг друга. Вид танцующих буквально растрогал меня — такой могла бы быть Южная Африка, такой она еще может стать.

В первые дни, разглядывая обманчивую поверхность жизни Кейптауна, я удивлялся и приходил в восторг, увиденное очень напоминало комфортабельный вид американского расизма: и здесь я встречал черных в ресторанах, видел мулатов-дикторов по «белым каналам» телевидения, и — невероятно! — в одном бассейне белые и черные плавали вместе.

Но то, что я увидел в офисе отца, меня просто ошарашило. Мой отец — один из директоров страховой компании. Он спокойный, рассудительный человек, принадлежит к

ДЕЗЕРТИР

Риан МАЛАН,
африканер

Кем станут эти благополучные лицеисты? (Снимок вверху.) Стражами апартеида или дезертирами, как герой публикуемого здесь очерка. А может быть, любовь к родине победит в них корысть и они вступят в ряды борцов против позора Южной Африки — апартеида.

тому типу африканеров, о ком в детстве мы говорили — «кремень», имея в виду их гранитный консерватизм. Он был и есть горячий сторонник апартеида, африканер-расист до мозга костей. Но его коллега, другой директор фирмы, сидевший в соседнем кабинете, оказался мулатом. Все младшие служащие, за исключением одного,— черными. Все женщины за белоснежными терминалами компьютеров были черными, а мой отец, африканер, восседал среди них и был очень доволен собой. «Я знаю свой народ,— говорил он.— Я знаю, какие глубокие изменения мы в нем произвели. Когда Нельсон Мандела выйдет из тюрьмы, ему будет нечего делать». Мне было странно слышать такие речи от моего отца. У него два университетских диплома, но в душе он остался самым обыкновенным буром: он верил, что черные не способны жить сами по себе без власти белых. Он убедил себя, что апартеид предоставляет африканерам и десяти подвластным им черным племенам «раздельное, но равное» существование, и с прусской прямолинейностью не замечал страданий, какие апартеид причинял людям вокруг него.

Подростком и потом, пока не уехал, я постоянно с ним спорил. Мне было непонятно, как образованный и во всем остальном порядочный человек мог поддерживать эту идеологию. Думаю, и ему было непонятно, как мог его сын ночью тайком написать на стене дома: «СКАЖИ ЭТО ВСЛУХ: «Я ЧЕРНЫЙ! Я ЭТИМ ГОРЖУСЬ!»

Я взял эти слова из песни Джеймса Брауна и намалевал их огромными буквами на одной из стен в нашем белом, как белая лилия, квартале. Возможно, я считал свои действия актом протеста, не помню. Знаю одно: мы с отцом перестали понимать друг друга еще задолго до моего отъезда.

В старые времена политика африканеров формулировалась просто: «Если не подчиняется — убей». Но теперь такая политика уже не помогала, и лидеры африканеров заговорили о реформах.

«Знаешь,— сказал отец однажды вечером,— задним умом я понял, что мы поступали непредусмотрительно, когда везде развесили таблички «Только для белых». Зачем они, например, на дверях лифтов, скамейках?» Он сидел в любимом кресле, тянул любимый напиток, и вокруг него валялись газеты, полные драматичных заголовков: «Президент Бота обещает свободу политическим заключенным... Президент Бота обещает мирное и демократическое решение растущих проблем». В глазах шестидесятичетырехлетнего африканера все это выглядело как чрезвычайные перемены. Бота же, по-моему, просто понял, какая опасность угрожала его племени — моему племени,— в этом смысле он оказался умнее своих предшественников, заурядных тиранов, ничего не видевших дальше собственного носа.

Но тогда его риторика произвела и на меня впечатление. Я скрыл свои чувства от отца: спор для нас был единственным языком общения, даже стал способом выражения взаимной привязанности друг к другу.

«Ну и что,— сказал я,— все равно черные не имеют избирательного права». Всякий раз, когда мы спорили, отец рано или поздно укрывался в излюбленный редут африканера. «Дай нам только время»,— говорил он. «Времени не осталось!» — говорил я без особой уверенности. Взрывом гнева черного населения африканеров стращают десятилетиями, а они до сих пор тут — вооружены до зубов, готовы драться, коварны, тверды и смогут продержаться годы, думал я, пока власть мирным путем не будет передана в руки черных. Мне казалось, что именно это имел в виду Питер Бота, когда обещал «мирное и демократическое решение». Правда, я сомневался в правдивости говорившего, но предпочитал надеяться на лучшее. Про себя я с удивлением отметил, что слова Боты меня воодушевляют почти так же, как моего отца.

Когда мне исполнилось десять лет, у нас появилась новая служанка Мириам. Наверное, ей было за пятьдесят, когда она начала работать у родителей, она и сама точно не знала. Из пятерых детей Мириам трое умерли, двое жили в Соуэто, в двадцати милях от нашего дома. Она уезжала к ним на субботу и воскресенье. Ее двадцатилетний сын Эфраим был эпилептиком, и, когда он «падал», как рассказывала Мириам, его били ногами, бросали в него камни. По существовавшим верованиям считалось, что им овладевали демоны. Я знал Эфраима, это был больной, разбитый человек, едва передвигавший ноги и с трудом выговаривавший слова. Дочь Мириам, Элизабет, была матерью шестерых детей, которых воспитывала без мужа. Когда я уезжал, никто из них еще не дорос до подросткового возраста, а иные были совсем малыши. Я любил Мириам и ее семью и смею утверждать, что и они любили меня.

Пока я жил в США, мои родители переехали в Кейптаун, Мириам — в Соуэто. С тех пор они не виделись, но у родителей остался адрес.

Я постучал в дверь жалкого домишки, точь-в-точь как сотни и тысячи остальных, терявшихся за горизонтом. У плиты стояла угрюмая молодая женщина и что-то помешивала в кастрюле. Держась за юбку, к ее ногам прижимался ребенок. Она исчезла в сумраке смежной комнаты и вернулась, ведя под руки полную старую женщину в цветастом домашнем халате. Я узнал Мириам.

«Милый мой!» — вскрикнула она, мы обнялись, и я отдал подарки: пакетик мяса и конверт с деньгами. Мириам хлопала в ладоши и неуклюже покрутилась в танце, показывая мне огромную радость. Сначала я был очень доволен собой, но потом меня смутила мысль, что слишком ничтожный подарок вызвал такую бурную благодарность.

«Как дела?» — спросил я. «Очень плохо»,— вздохнула она. Мириам рассказала, что Эфраим попал в тюрьму и там умер от туберкулеза. В доме жили племянницы Мириам и их дети: один сын, второй, третий, четвертый, пятый... я сбился со счета. В приоткрытую дверь я видел матрасы и одеяла, уложенные друг на друга до самого потолка. Старшему племяннику Мириам, Даниэлю, исполнилось двадцать лет. Он был старшим мужчиной в доме, с ним жила его жена и ребенок, работы у него не было.

Из всей семьи работали только две женщины, плюс крохотная пенсия Мириам, никаких других доходов у них не было. «Я очень страдаю»,— сказала она. Но хуже всего то, что миллионы черных с радостью поменялись бы с Мириам местами. Отчаянно бедные, они заперты законом в резервациях — хоумлендах, где нет работы, земля истощена, перенаселена...

Я смотрел на Мириам, и мой оптимизм, которым я зарядился после посещения офиса отца, сменился растерянностью. Я никогда не умел реагировать на уродливую правду апартеида — я не знал, что сказать Мириам. Когда мы прощались, я сказал ей, что буду молиться за нее. Я не верю в бога.

Пропасть между белыми и черными Южной Африки огромна. Да и что я мог сказать Мириам? Мне жаль, что мои соотечественники и я вместе с ними живем за ее счет? Был час «пик». В костюмах в тонкую полоску деловые люди возвращались с соседней биржи, ведя свои БМВ и «мерседесы» сквозь угрюмые толпы черных прохожих, мимо толпы людей на остановке, часами ждавших автобус в нищий Соуэто.

Мой школьный приятель Рой назначил встречу в баре «Руморс» на Роки-стрит. Волосы Роя поредели, но в остальном он был все такой же дружелюбный и лаконичный, как прежде. Работал режиссером на киностудии, поэтому весь вечер мы проговорили о фильмах. Рой презирал апартеид, но не отказывался от преимуществ, которые тот предоставлял, и ему казалось, что я находил такой компромисс постыдным. На самом деле я так не думал, я не мог его осуждать.

Я бы охарактеризовал Роя как либерал-фаталиста. Он не верил в реформы африканеров, не верил, что вообще возможно что-либо изменить, и ждал худшего. Ему не хотелось никого убивать, но по закону его еще могли призвать в армию, а там кто знает, чем это грозило обернуться. «Я человек без будущего»,— сказал он, смеясь, и солнце отражалось в его зеркальных очках. Не знаю наверняка, но мне показалось, он говорил серьезно.

В полдень я и Ф. сидели в комнате маленького дома в пригороде Йоханнесбурга и спорили. В невинные годы юности мы были большими друзьями. Еще тогда она поняла причину (капитализм белых) и следствие (нищета черных) и пришла к выводу, что единственный выход — создание социалистического государства. В те дни я чистосердечно соглашался с ней, и мы целыми вечерами просиживали в темной комнате при свечах, слушая песни Боба Дилана, певшего о «народной борьбе».

Потом я жил в Америке, она — здесь, в стране, правительство которой систематически запрещало, сажало за решетку, убивало, подавляло любую оппозицию.

Ф. жила по-спартански, даже бедно. Пролетарский вид жилища вполне соответствовал взглядам человека, вступившего на путь классовой борьбы. Ф. и бывшие мои друзья левых убеждений поддерживали Африканский национальный конгресс (АНК).

Очень скоро нам стало ясно, что со времени последней встречи наши политические взгляды непримиримо разошлись. Ее глаза стали холодными и отчужденными. «Ты слишком долго пробыл в США»,— сказала она. Потом нанесла мне высшее оскорбление в кругу оппозиции апартеиду: «Ты стал одним из них».

В те недели, что я провел на родине, я наблюдал стремительный накал ярости черных. Только по моим подсчетам за то время произошло двадцать семь столкновений между населением и полицией. Полицейские убивали мальчишек, кидавших в них камнями, сжигали дома черных, между тем «великая реформа» африканеров не двигалась с места.

Несмотря на все это, я чувствовал в себе глубокую любовь к моей стране. Возможно, от того, что мрак вокруг был такой густой, а надежда на лучшее такой ничтожной, это чувство особенно обострилось. Я часто плакал в те дни в Южной Африке. Родственники хлопали по плечу и, уставив в меня темные глаза африканеров, спрашивали, насмв-

сем ли я вернулся,— я отворачивался, боясь встретиться с ними взглядом.

Я плакал над грустными песнями о свободе, которые слушал на демонстрациях черных. Плакал над «Дие Суид Африкаан», политическим журналом, в котором полные раскаяния просвещенные африканеры с болью и откровением размышляли, как выйти из созданного ими кошмара. В этом маленьком, невлиятельном журнале я прочел следующие слова: «Вдали я слышу шаги Нельсона Манделы. Он гордо идет по улицам Ланги и Нью-Брайтона. Наконец он на свободе. Двери темниц острова Роббен скоро откроются...» Я плакал оттого, что прочел это на африкаанс, языке тирании.

Назову его Майком. Когда нам было чуть больше двадцати, мы работали в одной газете. Я репортером уголовной хроники, Майк — в параллельном издании газеты для Соуэто. В сущности, тогда он был для меня одним из тех, с чьей помощью я тешил чувство довольства собой. Майк же был лучшим репортером газеты в Соуэто. Он зарабатывал больше меня, но был ожесточен подобно тем черным, что говорят: «Я только мальчик на побегушках».

Я встретил его в офисе одной американской корпорации, в которой он работал пресс-атташе. Майк сидел, задрав ногу на стол. Он по-прежнему говорил в презрительной и едкой манере, но его независимые глаза потускнели, лицо обрюзгло. В последнее время он много пил. Позже я спросил его, почему многие одаренные черные южноафриканцы губят себя спиртным. «Безысходность»,— ответил Майк.

Майк сел за руль взятого мной напрокат автомобиля и повел его в Соуэто. Жизнь жителей Соуэто невыносимо тяжела, но вокруг царила атмосфера вызывающего веселья, всюду был смех и громкая музыка. Майк знакомил меня с адвокатами, гангстерами и учителями. «Он либерал,— представлял Майк, когда на меня подозрительно косились,— я за него ручаюсь».

На закате мы сидели за столом среди пяти-шести черных рабочих и шоферов, отдыхавших после трудового дня. Все они были очень политизированы, как большинство черных горожан. «Мы устали быть рабами и инструментами белых»,— сказал один из них, назвавшийся Зефом. Все говорили о том, что только и ждут дня, когда «этот ад взорвется ко всем чертям».

Майк прокашлялся: «Мистер Малан утаил от вас одну маленькую деталь,— вставил он.— Скажи им, Малан, что ты африканер из клана Маланов». Если бы Майк представлял меня в Гарлеме, а не в Соуэто, это звучало бы так: «Скажи им, что ты из ку-клукс-клана».

Все за столом сразу замолчали. «О'кэй,— натужно пошутил я,— как вам нравится сидеть рядом с буром?»

Потом, когда мы прощались, меня обнимали и дружески хлопали по плечу. Мы вышли. Было совершенно темно, и только на дозорных полицейских башнях висели в небе прожекторы, как желтые луны. Ночью в Соуэто бродят «скабераш», люди с ножами. Уровень убийств в Соуэто в четыре или пять раз превышает нью-йоркский. Мне стало страшно, я думал только о том, что, возможно, я единственный белый в этом огромном черном городе, эпицентре черной ненависти.

Вдруг из темноты в тусклом желтом свете возникло изуродованное лицо. Незнакомец сказал что-то Майку на непонятном мне племенном языке. «Он спрашивает,— злорадно перевел Майк,— не пора ли распотрошить этого бледного?» Все во мне сжалось. Или я сошел с ума, судорожно думал я, или я действительно расист, раз подозреваю невесть что, или мне все-таки угрожает опасность?

Майк его знал. Джо был профессиональным грабителем, год или два назад Майк видел, как тот разделался с одним белым на улице Йоханнесбурга. Я натужно улыбался и думал, насколько привлекательной могла показаться Джо моя кожаная сумка. Наконец я не выдержал, коротко попрощался с Майком и шагнул в темноту — одинокий белый прохожий в ночи Соуэто. Если бы я не был так напуган, я, наверное, не рискнул бы уйти: мои шансы добраться до автомобиля живым были слишком малы.

Опустив глаза, я шел быстрым шагом по середине дороги. Двести шагов вниз по аллее, через церковный двор, а там большое дерево, под которым мы оставили автомобиль. За мной кто-то шел. Спина напряглась в ожидании удара ножом, в этот момент на мое плечо легла рука. Это был Джо. Майк, чертыхаясь, шел следом. «Здесь не место для прогулок,— сказал Джо.— Мы проводим тебя».

Я отправился в Кейптаун повидаться с отцом. Там, в доме у подножия розовых гор, где было разбито первое поселение Маланов, я заперся в кабинете отца и стал читать историю рода Маланов. Но в этот момент по радио объявили о новых столкновениях в Кроссроудсе. Я включил телевизор и смотрел репортаж об этой кровавой бойне. Казалось, все происходило где-то далеко, не на самом деле, но с лужайки перед домом я мог видеть дым выстрелов, поднимавшийся над местом убийства.

Чтобы доставить отцу удовольствие (он болен и стар, и мне не хотелось его огорчать), я отправился беседовать с именитыми африканерами о «великой реформе». Я даже посетил новый многонациональный парламент — величайшее достижение, венчавшее «великую реформу». В белой палате говорили о необходимости реформ, то же самое говорили в своей палате индийцы, в своей — мулаты. Триста восемь благонамеренных мужчин и женщин говорили стенам, вместо того чтобы разговаривать друг с другом, и главное — с черными согражданами. Я не смог долго слушать и вернулся домой.

Я плюхнулся напротив кресла отца и сказал, что, по-моему, сделка с черными — трагический фарс. «А я каждый вечер молюсь, чтобы все получилось,— сказал он.— И должно получиться».

Африканеры, как мой отец, надеются, что с помощью некоторых уступок им удастся сохранить главное — свою власть. Но в следующий раз, когда вы будете смотреть репортаж из Южной Африки, вглядитесь в лица черных. Впереди толпы танцуют подростки, в них нет страха, они дразнят полицию, вызывают на себя резиновые пули и град дубинок. Эти люди непобедимы. Их не купить уступками. Слишком многие из них готовы пойти до конца, даже на смерть, а это значит — режим апартеида обречен. Остается лишь увидеть, когда и как он падет и сколько людей при этом погибнет.

Я мучительно боролся с самим собой. Я старался представить себя с оружием в руках в броневике под южноафриканским флагом и не мог. Я слишком хорошо усвоил несправедливость идеи, которую отстаивают африканеры. Я старался представить себя по другую сторону, среди черных, с автоматом в руках, поющего песни войны, и не мог. Кроме того, я не был уверен, примут ли меня черные в свои.

Тогда я решил ничего не делать, ждать. Сначала было легко, ведь именно этим я занимался до двадцати двух лет. Но через два месяца я измучился чувством вины и безысходности. Чем дольше я оставался в Южной Африке, тем меньше понимал, как вести себя. Каждый шаг ставил передо мной острую моральную проблему. Следует ли ехать в вагоне «Только для белых»? Следует ли есть этот кусок мяса? Следует ли сказать этой элегантной белой женщине, у которой диплом по философии из великого европейского университета, что черный мальчишка прилип к стеклу и жадно смотрит в ее тарелку?

Я сказал. Она обернулась и тотчас зашипела на меня: «Негодяй, ты хочешь, чтобы я чувствовала себя виноватой!»

Решение пришло само собой. Просто однажды я позвонил в аэропорт и зарезервировал место в самолете. Потом долго-долго держал трубку в руках, слушая заунывные гудки. Я пошел на кухню, где мама пекла кекс, что-то напевала и разговаривала со своими собаками. «Завтра я уезжаю»,— сказал я. Она сразу заплакала и согнулась, как от удара. Что я мог ей объяснить? Я молча стоял и до боли сжимал ее в своих руках.

Перевел с английского В. СИМОНОВ

Быть сегодня 25-летним — это значит быть ровесником эпохи резкого углубления несправедливости в обществе, процесса, который принято называть общим словом «кризис». Самые современные технологии и ничтожность их последствий в социальной области, страна с высокоразвитой промышленностью и растущее число ее граждан, не имеющих никаких источников существования; беспримерное накопление продукции материального производства и невозможность найти жилье по стоимости, доступной гражданам с межпрофессиональным минимумом зарплаты. Все более высокий уровень образования молодежи и растущая безработица в ее рядах; все более широкий выбор развлечений, предлагаемых специализирующейся на них индустрией, и отсутствие средств, чтобы пользоваться ими. Добавим к этому явный развал института семьи, все новые формы рекламы, постоянно искушающей молодых соблазнами возможных покупок и удобств. Все это лишь отдельные черты той действительности, которая окружает и формирует двадцатилетних во Франции, впрочем, так же, как и в других странах Запада.

Очень трудно найти свое место в этой реальности, обрести смысл своей жизни в обществе, которое лишено, судя по всему, внутренней взаимосвязи и меньше всего заботится о благе своих членов. Разве случайно то, что за двадцать лет — с 1964 по 1984 год — процент самоубийств среди молодежи в возрасте от 15 до 24 лет возрос вдвое!

Резкое увеличение продолжительности периода образования — главная характерная черта образа жизни поколения 70-х и 80-х. И весь парадокс в том, что удлинение времени учебы происходит параллельно с обесцениванием аттестатов и дипломов в связи с ростом безработицы. Это растянутое во времени образование, не подкрепленное реальным интересом общества к дальнейшей судьбе выпускников коллежей и лицеев, перестает быть орудием успешного продвижения в жизни. Оно лишь усугубляет жизненные неудачи, начиная со школы. Если в 50-е годы неудача в выборе школы в 13 лет не исключала какую-то жизненную перспективу, то сегодня она кладет начало целой цепи дальнейших неудач, ведущих на биржу труда.

Родственники, лишившиеся места, брат, перебивающийся случайными заработками, сестра с дипломом учительницы, так и не давшая свой первый урок, сосед, занятый на «общественно полезных работах», специально придуманных для тех, у кого нет работы... Молодежь не слепа, она все видит и подсознательно чувствует себя обманутой существующей системой.

Удлиненный период школьного обучения, различные курсы подготовки и переподготовки, место по контракту на короткий срок, временная работа, «общественно полезные работы» — все это лишь оттягивает начало полноправной трудовой деятельности. Большая часть «ровесников кризиса» расстается с молодостью, так и не вступив в прочный контакт с миром труда. А ведь только в таком контакте передается профессиональный опыт и усваиваются рабочие традиции — традиции борьбы и исторических завоеваний.

Как молодежь относится к труду! Прежде всего сквозь призму безработицы. Опрос, проведенный на севере Франции, выявил, что «период поисков первой работы увеличился в среднем с 1974 по 1982 год в три раза; каждый десятый молодой человек находит свою первую работу не раньше чем через 30 месяцев; в течение года в Национальном агентстве по трудоустройству как минимум по одному разу регистрировались более 30 процентов молодежи; за период в два с половиной года более 50 про-

"РОВЕСНИКИ КРИЗИСА"

Рене ВЬЕ,
французский журналист

центов хотя бы один раз теряли работу...». Кроме того, молодежь связывает труд с недопустимо низким уровнем доходов. Секретарь Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) Рене Ломе утверждает: «50 процентов безработных не получают пособия. Молодой человек, впервые поступивший на работу, получает в месяц около трети межпрофессионального минимума зарплаты, а стажеры и вообще восьмую часть этого минимума».

О встречах с такой молодежью на улицах Парижа заметка журналистов К. Дабуана и Р. Дюше.

...И ИХ БУДНИ

Кристиан **ДАБУАН**, Рене **ДЮШЕ**,
французские журналисты

— Простите, у вас не найдется билетика на метро! Мне нужно вернуться домой, а у меня нет больше ни единого су.

И вновь я не могу отказать: не умею говорить «нет». Моим первым инстинктивным побуждением всегда было выручить просившего. Даже тогда, когда слышал: «Эй, парень, не найдется ста монет!» Но теперь дело куда серьезнее. Эти люди — совсем не бездельники, которые просто не любят работать, и не те, кто «избрал свободу и попрошайничество». Все больше становится людей, которые после увольнения не получают пособия и оказываются без какого-либо — в самом прямом смысле слова — источника существования.

На станции метро, в подземных переходах — всюду встречаешь этих новых отверженных. Затравленные, отчаявшиеся, с ними трудно вступить в контакт: они недоверчивы, замкнуты, нищета озлобила их.

— Чего вы от меня хотите! Не надо фотографировать. Тоже мне, нашли развлечение! Хотите заработать на нашей нищете!

— Вы можете предложить мне работу! Нет! Ну и прощайте!

Они не хотят говорить, но об их беде красноречиво свидетельствуют надписи мелом на полу метро, как, например: «Если можете, окажите небольшую помощь, чтобы я мог купить себе поесть, потому что я сейчас без работы...»

И он ждет, как и тысячи других таких же парней, которых видишь в метро и на улицах, они сидят возле лаконичных призывов: «Безработный. Никаких источников существования. Один-два франка, пожалуйста, если можете. Спасибо».

Если у них есть возможность, они всегда стараются хоть что-то предложить взамен: сыграть на гитаре или скрипке, нарисовать рисунок на тротуаре, показать фокус со спичками... И всегда при этом одни и те же слова: «Безработица... увольнение... спасибо».

Жаку повезло. Он нашел работу. После долгих, изнурительных поисков ему удалось получить место в отделе хранения и выдачи материалов на одном предприятии. Но, когда работаешь, есть хочется еще больше. А нужно дождаться первой зарплаты, дотянуть до нее, потому что не может быть и речи, чтобы просить аванс в первый же день. Это вопрос принципа, вопрос человеческого достоинства. Поэтому Жак вновь занял свое место в метро, только уже с новым призывом: «Я недавно нашел работу. Я жду первой зарплаты, которая будет шестого декабря. Спасибо». А сегодня только второе. Ему нужно продержаться еще четыре дня...

В метро хорошо. Здесь тепло, много людей и есть шанс получить несколько су. Возможно, даже кто-нибудь предложит работу. Но на ночь метро закрывается. И все они остаются на улице.

А ведь надо где-то спать: на улице или в ночлежке...

Парижский ночлежный дом на улице Шато-де-Рантье. 16 часов. Перед входом уже собралось человек 200 или даже больше. Промерзшие, голодные, они топчутся перед закрытыми дверями. Мрачное потемневшее небо торопит нетерпение: эти двери скоро откроются. А за ними тепло, миска горячего супа и главное — постель. Но еще рано: ночлежный дом открывается лишь в 17 часов.

Этих людей называют «новые бедные» — термин, вполне отражающий реальную действительность. Они стоят небольшими тесными группами. Переминаясь с ноги на ногу, подняв воротники, глубоко засунув руки в карманы, они тихо переговариваются между собой, рассказывая вполголоса свои истории — истории, которых они обычно стыдятся. Смешавшись с этой толпой, я чувствую себя здесь так, будто и я виновен в их бедах. Я острее, чем когда-либо, ощущаю всю глубину несправедливости. Мне хочется бросить страшное обвинение в лицо обществу, которое я, казалось, хорошо знал, но которое теперь предстает передо мной во всем своем трагизме.

— Вряд ли повезет сегодня. Для меня уже не найдется кровати... Я не знал, что нужно записываться в пять утра. Еще хорошо, что тут один человек предложил мне устроиться у него...

— Ты откуда! Ты же еще совсем молод.

— Мне 20 лет. Я жил у родителей в Сан-Кантен-ан-Ивелин. Мы поссорились, и они меня выставили. Я и оказался на улице, без работы, без денег.

— А тот человек, что предложил тебе ночлег, кто он!

Я подхожу к неизвестному благодетелю, чтобы задать ему этот вопрос. Но он опережает меня:

— Мы живем в фургонах, переезжаем с места на место. Сюда приходим специально, чтобы выручить тех, кто попал в трудное положение. Они могут переночевать у нас. Будет хоть крыша над головой, и в фургоне тепло. А потом они могут уйти, когда захотят.

— Ну что ж, удачи тебе, парень.

Другому — бывшему помощнику повара — повезло больше. Он знает здесь все правила; он уже три года регулярно ночует на улице Шато-де-Рантье. В правой руке он прочно сжимает картонную карточку с цифрой 2050. Это номер его койки, и этот пропуск откроет перед ним двери к теплу, к миске супа, к постели. Три года! Настоящая каторга! Но в конце концов и к такому привыкаешь, объясняет нам этот мужественный человек. Его история типична... Еще несколько лет назад он работал помощником повара в маленьком ресторане в Нантере, и жизнь его текла без особых проблем. Конечно, зарплата была мизерной, но все же позволяла иметь крышу над головой, и он был сыт. В один прекрасный день все рухнуло, ресторан обанкротился, и его выбросили на улицу, как ставшую ненужной вещь. Потом он искал работу. Обращался в агентство по трудоустройству — безрезультатно, писал письма и звонил по телефону. К тому же оказалось, что пособия по безработице ему не полагается. Так тянулись долгие месяцы мучений и нервотрепки. И наконец все стало ясно: в ресторане, где нужен был человек на подсобные работы, ему бросили прямо в лицо, как оскорбление: «Сорок семь лет... Вы уже стары». И сейчас, говоря об этом, наш рассказчик горестно разводит руками. «Знаешь, в такие минуты нужно много мужества». Он признается, что тогда у него возникла мысль о самоубийстве. И я хорошо понимаю его. «Еще несколько месяцев я все же продолжал, несмотря ни на что, искать работу... Но в конце концов пришел к твердому убеждению — для меня все потеряно. Теперь, вот уже три года, я ночую и кормлюсь здесь, в ночлежке. Это стало моей жизнью...»

17.30. Длинная очередь ожидающих заметно сократилась. Почти ежеминутно громкий голос монотонно выкликает очередной номер. Наконец слышится цифра 2050. Это номер моего собеседника. Он торопливо пожимает нам руки и спешит к двери...

18 часов. Все три этажа центра слабо освещены. Триста новых обитателей торопятся доесть свой суп и сразу же начинают устраиваться на ночлег. Незачем терять зря время: ночь будет недолгой. К пяти часам утра все помещения

должны быть освобождены. Перед уходом еще нужно аккуратно и правильно сложить постельные принадлежности.

На улице уже совсем темно: у дверей толкутся в ожидании опоздавшие, надеясь все же получить место. Неожиданно торопливыми шагами приближается некто новый. Выглядит он вполне благопристойно — в куртке, белой рубашке, при галстуке, очки в тонкой оправе. В нем даже есть какой-то шик. В руках чемодан, держится весьма уверенно. «Но, месье, уже поздно, вам надо было записаться рано утром...» — «Я не мог, я только что прибыл из Окзера, и полицейский подсказал мне, что я могу переночевать в этом центре».— «Вы что же, работаете!» — «Конечно, я работаю. Я представитель фирмы, выпускающей системы охраны». Инсценировка приводит к желаемому результату. Двери центра распахиваются перед новым посетителем...

Одежда, манера держаться, уверенность в себе — все эти внешние признаки помогают иногда войти в двери, закрытые для явных бедняков. Показное благополучие помогает избежать и худшего — обвинения в бродяжничестве, неприятных столкновений с полицейскими, которые, внимательно осмотрев бедолагу с ног до головы, сажают его в полицейский фургон. Ведь бедность — это социальное преступление.

На следующее утро мы отправляемся в Бобур. Стоит прекрасная погода. Идеальный день, чтобы побродить пешком по улицам вокруг Центра Помпиду... Неожиданно нас окликает девушка лет двадцати:

— Месье, месье. Вы любите комиксы! — Рассматриваю предложенные брошюры.— Мы — группа молодых художников — работаем, поочередно меняясь: одни рисуют, другие продают, а потом наоборот. Номер стоит 20 франков.

Улыбающаяся, уверенная в себе, симпатичная, наша молодая «художница» успешно справляется со своей задачей — распродает книжонки. Несведущий человек не заметит ни тени фальши в ее поведении.

— Вы давно занимаетесь этой работой!

— Нет, три месяца. Я приехала из Савойи.

— И хорошо зарабатываете!

— Не очень. Нам платят процент от проданного.

Первая неверная нота: совершенно ясно, что тот, кто платит, хозяин, а не «группа художников».

— Ладно, мы покупаем ваши комиксы. Сколько!

— 20 франков.

— Но цена не указана.

— Нам сказали спрашивать такую цену.

Вторая фальшивая нота...

Тем временем мой друг беседует с другой «художницей». С тем же уверенным видом она начинает рассказывать ту же басню... Урок заучен хорошо. Конечно, это делается, чтобы продать рисунки, но также и для того, чтобы скрыть под маской уверенности положение, в которое их ввергла жестокая реальность жизни и которого они стыдятся. Существует целая система эксплуатации молодежи. Вот навстречу нам катят на роликах девушки в красивой белой униформе. Они с независимым видом окликают прохожих, предлагают ярко оформленные проспекты: «Вы можете помочь Детскому фонду ООН, если зайдете съесть бифштекс в ресторан на углу». Девушка, с которой мы беседуем, не очень уверенно чувствует себя на своих роликах. «У меня от них болят щиколотки»,— откровенно признается она. Чуть дальше — другая такая же девушка, но без роликов. Проследив за нашим взглядом, она объясняет: «Мне сегодня уже не досталось роликов моего размера, так что мне даже, можно считать, повезло». О каком везении она говорит! Разве что о возможности выглядеть в глазах людей, которых она встречает на улице, тем, кем ей действительно хотелось бы быть, гидом, сопровождающим иностранных гостей.

Нужно иногда быть большим фантазером для того, чтобы повседневная действительность стала переносимой... А тем временем день угасает. Париж зажигает огни. И сегодня вечером будет большая очередь перед входом в ночлежный дом на улице Шато-де-Рантье.

■ **ДЕББИ И ДРУГИЕ.** Пристанищем на ночь для этих четырех служит полуразвалившийся амбар в нескольких кварталах от ярких огней лондонской станции метро «Кингс кросс». Четверо друзей тут спят, тесно прижавшись друг к другу, под старыми одеялами.

Дебби семнадцать, уже год, как живет «на улице». Уроженка Северной Ирландии, живая, подвижная девушка. Неграмотная.

Несмотря на нищенскую жизнь, Дебби продолжает следить за собой. Каждый день за 40 пенсов она принимает душ, а по воскресеньям стирает свою одежду в прачечной самообслуживания.

Яну восемнадцать. Он из Чэтема, графство Кент. Хром, плохо видит. Недавно ему повезло: несколько дней он ночевал на квартире у приятеля. Сейчас снова болтается по вечерам на станции, выпрашивая у прохожих деньги, а утром спит в метро.

Эллен пятнадцать. Миленькая светловолосая девочка, вот только темные круги под глазами. От чрезмерного курения и скитаний под открытым небом ее одолевает хриплый кашель. Отсидев пять месяцев в дублинской тюрьме за воровство, она решила начать «новую жизнь» в Лондоне.

Эрик — уроженец Ливерпуля. Ему восемнадцать. Он единственный из этой четверки, у кого была работа. Почти год — уличным торговцем, пока не уволили. У него такая же трудная жизнь, как и у остальных,— вечное ожидание какого-нибудь случайного заработка.

ЛАЙЗА. Уродливая татуировка на печальном, бледном лице Лайзы Мелья усиливает выражение отчаяния, которое навеки словно отпечатано на нем.

— Я хотела бы присматривать за детьми, но меня никто не берет из-за моей татуировки. Как я жалею, что сделала ее!

Лайза убежала из дома, когда ей было четырнадцать. Теперь она на четыре года старше и хорошо понимает все убожество своего существования в Лондоне.

— Я попрошайничала, воровала в магазинах,— рассказывает она, поеживаясь от утреннего холода. Наш разговор происходит в 2 часа утра в круглосуточном кафе.— И вот докатилась, дальше некуда. Несколько раз пыталась покончить с собой. Когда я хочу переночевать в приюте для бездомных, меня даже туда не пускают.

Она нашла пустующий дом в Хэмстеде, где теперь ночует.

— Но скоро я опять окажусь на улице, это точно. Кто-нибудь донесет,— добавляет она.

Раз в полгода Лайза звонит родителям — сообщить, что еще жива. Но вернуться к ним не может: слишком она изменилась. Встретив других беглецов, она искренне советует им вернуться домой.

— Молодежь стекается в Лондон, потому что надеется здесь найти другую жизнь, счастливую,— говорит она.— И все они кончают плохо или просто подыхают где-нибудь под забором.

НИЛ. Поздно вечером он стоял на улице. Стоял просто так. Сквозь неплотно прикрытые шторы он смотрел на улыбающиеся лица людей, всей семьей собравшихся за столом или у экрана телевизора. Потом отправлялся бродить до самого утра. И так каждую ночь. С рассветом, если везло, он находил какое-нибудь пристанище и немного спал. А не везло, его устраивала и скамейка в парке. Он воровал еду в магазинах. Когда его белье начинало смердеть, он воровал смену в магазине «Марка и Спенсера».

Так он живет с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать, то есть почти четыре года. Паренек с добрым приветливым лицом. Когда он ушел из родительского дома в Майдстоне, графство Кент, никто не бросился его разыскивать, не давал объявлений в газетах, не обращался в полицию. Никому до него не было дела. Он не обозлился, не чувствует к себе жалости.

Последний месяц он находился в исправительном доме в Северном Лондоне.

— Я не хотел бы возвращаться к прежней жизни. Я

ПОКОЛЕНИЕ ИЗГОЕВ

Розмари КОЛЛИНС и др.,
репортеры газеты «Дейли миррор»

Английская газета «Дейли миррор» предпослала этому репортажу такие слова: «Сегодня мы расскажем о поколении изгоев — юношах и девушках, которым некуда стремиться. Они живут в мире нищеты и отчаяния. Их число растет с устрашающей быстротой. Правительство и общество игнорируют ужасающее положение английской молодежи. Отчаявшееся поколение, поколение, которое приводит в отчаяние нас. Они уже не ждут помощи, у них нет надежд, нет дома. Безысходность порождает беспричинное насилие. Они живут одним днем, у них нет других стремлений, кроме как раздобыть еды и найти угол, где можно переночевать. Как правило, они вышли из бедных семей. У некоторых никогда не было работы, у многих никогда ее не будет. У большинства из них нет будущего. Едва достигнув лучшей поры в жизни, эти юноши и девушки уже вычеркнуты из нее.

Судьба этой молодежи — наш позор, позор Англии».

устал от воровства,— говорит он.— Может быть, моя мама прочтет это и поймет, что со мной произошло и что в этом не только моя вина.

Его родители разошлись, когда ему было два года. Мать снова вышла замуж. Тогда-то все и началось.

— Отчим невзлюбил меня. Он любил своих дочерей, двух моих сводных сестер, а меня терпеть не мог и всегда бил. Мама не заступалась, потому что боялась его. Однажды вечером он сказал, чтобы я убирался. И я ушел. Вначале это было как увлекательное приключение. Я ночевал в поездах, бродил по новым городам. Потом связался с компанией таких же, как я сам, «отбросов общества» и стал учиться жизни «на дне». Так живут очень многие. Я стал настоящим специалистом по части поиска ночлега: на задворках складов, в сараях, в пустующих домах. Я даже научился подключаться к сети, налаживать там бесплатное электрическое освещение.

Но чему Нил так и не научился — радоваться жизни, как обычные подростки. Все его мысли, вся энергия направлены на одно — выжить в злом мире, где ему случилось оказаться без дома и средств к существованию.

Полиция схватила его на месте преступления — при попытке взломать дверь склада, где он хотел переночевать. Его направили в исправительное заведение для несовершеннолетних правонарушителей, откуда он позвонил своей матери.

— Я подумал тогда... Я подумал, что она, может быть... Что она захочет навестить меня там,— он пожимает плечами.— Хотя я не очень-то на это надеялся. Все-таки от Кента до Бристоля путь неблизкий... Она сказала мне по телефону, что не сможет приехать, что этот... в смысле отчим, не разрешит ей. А если она уедет без его согласия, тогда он ее бросит, и все из-за меня. Вот такие дела...

Когда я спросил Нила, скучает ли он по матери, семье, он ответил:

— Да, наверное. Особенно тоскливо было под рождество. Да, я скучаю по жизни в семье. Я ведь видел, какой она бывает, когда бродил по улицам и заглядывал в окна...

Три недели он провел в тюрьме, откуда его и перевели в исправительную колонию.

Он говорит: «Я изучаю столярное ремесло. Хочу попробовать заняться резьбой по дереву. Может, когда выйду, найду работу».

ДЖЕЙ. Со стороны могло показаться, что двое мальчишек играют в войну, вооружившись пластмассовыми пистолетами. Так посчитала и кассир бензоколонки Розмари Крокер, увидев их сквозь свое окошко. Однако грабители с детскими лицами, пришедшие, чтобы отобрать 60 фунтов, ее дневную выручку, выстрелили в лицо из своей «игрушки». Пуля изуродовала ее до неузнаваемости. Она ослепла на один глаз, второй едва видит, наполовину оглохла. Жива осталась чудом.

Врачи спасли ей жизнь, принялись восстанавливать лицо. Ей вживили кость на место раздробленной пулей скулы. Кожу на щеки и подбородок пересадили с других частей тела.

Стрелявшему в нее Джею Рейнольдсу тогда было шестнадцать, сейчас — семнадцать. Его приговорили к десяти годам лишения свободы. Его сообщник получил семь лет.

Из колонии Рейнольдс написал Розмари письмо. «Как ни стараюсь, я даже сам себе не могу объяснить, почему так вышло. Знаю только, что это было чертовски нелепо. Честное слово, я никому не хотел зла... И если бы существовал способ исправить вред, который я вам причинил, я бы сделал для этого все».

Она ответила ему. «Мне трудно обещать тебе, что я прощу, но если ты по-настоящему решишь начать новую жизнь, возможно, я сделаю это».

В следующем письме Рейнольдс написал: «Я бы никогда

не осмелился просить вас о прощении. Я хотел только объяснить, что хорошо усвоил этот тяжкий урок... Вы — мужественная женщина».

Остается добавить, что Розмари и ее мужу Винсенту, чтобы оплатить лечение, пришлось продать дом.

ДИНА, ДЕЙВ И ДЖЕККИ. Дина, Дейв и Джекки — симпатичные, ясноглазые ребята. Иногда они собираются вместе с другими столь же юными «единомышленниками» и скандируют: «Индийцев — вон! Пакистанцев — вон! Долой цветных! Бей «красных»!» Все трое члены неофашистского «национального фронта». Девятнадцатилетний Дейв Томас вместе со своими сверстницами Диной Дэлтон и Джекки Косгри вырос в обеспеченном квартале Ист-Хэм в Лондоне. В «национальный фронт» он вступил еще школьником, четыре года назад.

— Нам, белой молодежи, ничего другого не остается. Эти цветные расхватывают все рабочие места.

Джекки и Дейв — безработные. Дина работает секретаршей в небольшой фирме, пока, как она говорит, «фирма не вылетела в трубу».

— Правительство только и думает, как обеспечить прибыли богатым,— продолжает она с озлоблением,— а тем временем такие, как мы, прозябают на пособие по безработице. А виноваты во всем черномазые, которым достается вся работа.

Они с нетерпением ждут времени, когда польются реки крови, все запылает в огне вселенского пожара и наступит конец света.

— Ничего не изменится, если не случится катастрофы,— считает Джекки.

В «новой Британии», о которой мечтают Дина, Джекки и Дейв, все небелые будут содержаться в резервациях, если потребуется, их загонят туда силой, пока все «подлинные британцы» не обретут счастье, пока страна не очистится от иностранцев.

— Пусть убираются домой! — восклицает Дейв. Всю эту галиматью им вдалбливают в голову те, кто пытается свалить беды английской молодежи на иммигрантов. Они не задаются вопросом, где «дом» у тех иммигрантов, которые уже три поколения как британские подданные.

ДАРРЕН. Скоро Даррену Стоуксу исполнится восемнадцать. Живет он на Бексли-роуд в трущобах Ноттингема. Тридцать процентов здешних семей живут без отцов. Три четверти выпускников местных школ остаются без работы. У Даррена тоже нет работы, никаких перспектив и надежд на будущее.

Вот его история:

«Обычно я просыпаюсь в восемь, когда мои шумные сестрички начинают сборы в школу. На завтрак — овсянка. Это если она есть. На матушкино пособие не разгуляешься. Не ее вина. Она еще как-то ухитряется поддерживать дом в порядке. У нас мебель приличная, хотя и с дешевой распродажи, а мне она покупает ношеную, но почти новую одежду.

По утрам торчу дома. Газет мы не выписываем. К чему? Я теперь даже объявления о рабочих местах не читаю. Иногда ко мне забегают приятели. Обед я готовлю сам. В центре города я почти не бываю. Транспорт для меня слишком дорогое удовольствие. И потом все наши собираются здесь поблизости. Здесь наш район, его границы всем известны.

Дважды в месяц я получаю пособие. Часть отдаю матери. Остальное трачу сам.

Понимаете, с нами обращаются, как с мусором. Полиция, городские власти — все! Дома, где мы живем,— дрянь. И работа, когда она есть, и та — дрянь. И по телеку показывают всякую дрянь: купи то, купи это! А где взять деньги-то? Меня это не то чтобы злит, но иногда надоедает до тошноты.

Между собой мы зовем наш район Бронксом. Это потому, что у нас, как в Штатах, бывает небезопасно появиться вечером на улице. Я и все наши уже побывали в кутузке за драки и все такое. Правда, сам-то я попался всего один раз. Получил год условно».

Перевел с английского И. МОНИЧЕВ

В Детройте проходил национальный съезд республиканской партии. Для штаб-квартиры предвыборной кампании Рейгана было выбрано здание, находившееся в квартале с символическим названием — Ренессанс-центр. Это здание — новый детройтский отель «Плаза» — гордо возвышалось в самом центре Ренессанс-центра, и ясно было, что перспективы его прекрасны. Спустя несколько лет страховая компания закрыла отель: его владельцы не смогли выплатить кредит.

В пяти милях к северу и полутора милях к западу от Ренессанс-центра находится еще одно здание, владельцам, точнее, владелице которого вскоре предстоит его покинуть — она тоже не смогла выплатить очередной взнос. На днях этот аккуратный домик будет продан с аукциона. Для владельцев отеля «Плаза» закрытие его, конечно, серьезный удар. Для семьи Барбары Пайни, владелицы того маленького домика,— это смерть. Дело об убийстве — всегда дело скандальное, громкое. Убийство семьи Пайни проходило тихо, незаметно, из семьи спокойно выкачивали кровь, жизнь.

Рассказы о бедности не интересны ни для кого — ни для бедных, ни для богатых. Проклятие тех, кто пытается достойно нести свою бедность, в том, что люди аморальные могут легко скрыть существование этих пристойно-бедных, а люди высокоморальные их не замечают.

Родители Барбары Пайни разошлись, когда она была еще совсем маленькой. У матери было больное сердце, она не могла работать. Иногда она даже не могла встать с постели. «Поэтому я так и не кончила школу,— говорит Барбара.— Мне приходилось ухаживать за матерью. Мы жили на пособие. Вот так и получается, что мои дети — уже третье поколение в нашей семье, живущее на пособие... Мама умерла в 37 лет. Знаете, пособие не дает умереть с голоду, но я бы хотела, чтобы моя дочь все-таки чего-то добилась в жизни. Я все время хочу избавиться от пособия, нахожу работу то там, то здесь, но эти работы не дают, например, страховки на лечение, а дети и я часто болеем, а если пособие получаешь, то хотя бы имеешь право на бесплатное медицинское обслуживание. Все матери, которых я знаю, живущие на пособие для семей с одним кормильцем, стремятся от него избавиться — люди хотят независимости. Но как это сделать? Общество делает все, чтобы мы так и оставались на задворках».

Дети уходят в школу, мать возится по дому, трет, моет, штопает — у нее полно времени для горечи, воспоминаний и слез. «Бедность — она как клеймо. Я не человек, какое-то насекомое, проклятое и презираемое людьми». Это тяжелое время, когда дети в школе, когда в доме тихо. Тогда приходят мысли. «Наверное, я и родилась неудачницей. Наверное, мне просто с самого начала не везло. Мне не надо было бросать школу. Мне не надо было рожать детей, может, тогда бы жизнь пошла по-иному...»

Запах отдушки, которую добавляют в газ, чтобы он не мог незаметно просочиться, наполняет дом. Этот запах здесь так давно, что его уже никто не замечает.

Барбара проводит меня в комнату. Старая кушетка, колченогое кресло, покрытые вытертыми одеялами. Смотришь на них и знаешь, что там, под одеялами, рваная обивка, разбитые пружины, сломанный подлокотник. Когда-то эта мебель стояла в гостиной, когда-то у Барбары были мечты. А потом мечты и надежды начали таять, обивка протиралась, и один стул уже не мог занять пространство, предназначенное для двух стульев.

Давным-давно — она уже и не помнит когда — ее мечты были полны тепла: она мечтала о будущем, и будущее включало в себя и хорошую школу для детей, и независимость, и вообще лучшую жизнь. У будущего нет содержания, его нельзя потрогать, будущее абстрактно, но оно должно быть лучше настоящего. «Я мечтала, мечтала»,— говорит она и смущенно улыбается, понимая, что этим мечтам больше нет места в ее доме. «Все, что у меня есть,— это время».

В доме — ни пылинки. Вещи аккуратно сложены в красные пластиковые ящики из-под молока, в ящики легко заглянуть и увидеть, как в них все аккуратно и как в них пусто. Барбара бесшумно ходит по комнате, невысокая женщина

все выглядело таким стабильным, Барбара присмотрела небольшой домик: жизнь налаживалась. Она заплатила за дом первый взнос, и надо было выплачивать еще тридцать лет, кредит и проценты. Домик был такой аккуратный, свежая краска, все чисто, все в идеальном порядке, даже трубы и проводка новые. Она купила необходимую мебель, кухонную утварь, телевизор, прилаживала шторы...

А кризис нарастал. Начались временные увольнения. Сначала было так: на неделю увольняли, потом неделю работала. Потом — две недели увольнения, неделя работы. Потом умерла тетка, потом Барбару уволили совсем. И пришлось переходить на пособие. Так кончился недолгий период независимости.

Ежемесячные выплаты за дом стали выше — цены растут. Нынешняя администрация Белого дома урезала пособие на питание, которое выдается семьям с одним кормильцем. Раньше хоть школьные автобусы были бесплатными, теперь за них тоже надо платить. Дороже стали вода и электричество. Барбара боролась — за эти годы она привыкла бороться за жизнь. Но последний удар нанесла ей прорвавшаяся водопроводная труба. Залило потолок, испортилась проводка. «Я обратилась в ремонтную контору, но они не пришли — они же знают, что те, кто живет на пособие, не могут много заплатить, заказывают только самые необходимые, самые дешевые работы. Пришлось заплатить побольше. Это было в сентябре. Так и получилось, что в октябре я не смогла сделать взнос за дом. Хотела заплатить в ноябре, но они потребовали плату сразу за два месяца — или ничего. Они присылали мне предупреждения, а что я могла сделать! А если я просрочила плату за дом, фонд помощи не стал оплачивать мои счета за воду и электричество. Так и покатилось... Когда я получила письмо о

Эрл ШОРРИС,
американский писатель

Рядом с отелем «Плаза»

с туго стянутыми в узел волосами, женщина с огромными прекрасными глазами, тихой и такой красивой улыбкой.

Когда-то будущее представлялось Барбаре конкретным и прекрасным. Остатки тех надежд лежат в одном из красных пластиковых ящиков из-под молока. Несколько афиш, три фотографии, пластинка-сорокапятка. Группа называлась «Девоушнз», и Барбара пела в ней ведущую партию. Это было время фирмы грамзаписи «Мотаун» — пластинки-хиты вылетали из Детройта и расходились по всей стране с той же скоростью, с какой сходили с конвейера автомобили фирмы «Крайслер». Детройт был в полном расцвете, у всех была работа и надежды. Пластинка «Девоушнз» вышла на первые места в хит-парадах: «Моя старая любовь» на одной стороне, «Дьявол вселился в мою крошку» — на другой.

Как и положено, группа отправилась в турне. Три девушки, недавние школьницы, менеджер, он же пресс-агент, два музыканта. Фургон двигался по стране, останавливался в маленьких городках, возле которых живут фермеры. Люди в этих городках говорили языком привычным и понятным трем девушкам и музыкантам: патриархальная Америка. Их песни нравились, им аплодировали. Так продолжалось три месяца. А потом оказалось, что деньги, вырученные за пластинку, все вышли, что турне тоже не окупается. Одна из девушек перешла в другую группу. Барбара вернулась в Детройт, встретила Его — любовь, отца ее троих детей. Жизнь с Ним не задалась, что ж, такое бывает.

Барбара выписала к себе тетку, чтобы она сидела с детьми, и пошла на завод «Крайслер» — обслуживала сварочный автомат. Закончила вечерний колледж. Работала хорошо и зарабатывала прилично. Начался кризис. Казалось, он не должен коснуться такого гиганта, как «Крайслер»,

том, что компания отбирает мой дом и продает его с аукциона, я даже не плакала. У меня не осталось слез».

Барбара Пайни не разбирается в политике. «Я аполитичный человек,— говорит она.— Мне просто некогда интересоваться политикой. Но мне кажется, что мир должен быть лучше и в нем должен быть мир. Люди должны быть равными, и я хотела бы, чтобы было меньше преступности. В мире не должно быть бедных и не должно быть пособий по бедности. У каждого должна быть работа».

Воскресенье, полдень. Барбара стоит в кухне, готовит обед. Дети еще спят — Барбара приучила их подолгу спать в воскресенье, чтобы можно было не завтракать. Это серьезная экономия. Пособие на еду рассчитано так, чтобы у человека было хоть что-нибудь на завтрак, обед и ужин. Это бы неплохо, если бы не надо было покупать одежду, платить за газ, телефон, а мыло и зубная паста! Чтобы держать дом и вещи в такой чистоте, требуется много мыла...

Барбара научилась экономить на еде. Во дворе разбила грядки: бобы, фасоль, лук, помидоры, немножко клубники, салат. Детям ведь нужны витамины. Что теперь будет!

Через два дня самый аккуратный домик в западной части Детройта будет продан с молотка. Впрочем, компания может пойти на уступки, если Барбара будет платить в месяц еще на 40 долларов больше. Но этих сорока долларов просто нет. И взять негде.

Дом пуст, и улица пуста. Я знаю теперь, чем пахнет одиночество — отдушкой, которую добавляют в газ. Одиночество и нищета окружили этот дом, словно ров, окружавший средневековые замки. Мостов через него нет. И внутри этого маленького, аккуратного домика задыхается семья Пайни.

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

> ...проект Основных направлений предусматривает значительное расширение внешнеэкономических связей. Предстоит сконцентрировать их на приоритетных задачах, нацелить на научно-технический прогресс, в большей мере использовать для решения социальных вопросов.
>
> Из доклада XXVII съезду КПСС «Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года»

А. ПОЛИКОВСКИЙ

КРОССОВКИ СО ВСЕХ СТОРОН

Кроссовки! Один вопрос о них вызывает раздражение у продавцов, как неуместный: «Нету! Не будет! Не знаю когда!» Кроссовки! Они делают магазинам план, но они же выводят из равновесия торговых работников. «Торговать ими — удовольствие ниже среднего,— объясняет директор московского магазина «Спорттовары» № 22 Л. Н. Курганцева.— Выстраивается длинный хвост, многим не хватает. Начинаются просьбы и уговоры. Да у меня же их нет! Сплошная нервотрепка. Ну их, не нужны мне эти кроссовки, я лучше план не сделаю и так проживу...»

Что за загадка в этой обуви! Ведь бегать, прыгать и играть в футбол можно в кедах, полукедах... Но кроссовки для нас — больше чем спортивная обувь. По опросам Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торговли (ВНИИКС), 36 процентов обладателей чудо-обуви ходят в ней в походы и на прогулки, а 16 процентов носят каждый день. По свидетельству врачей, это не очень полезно. Однако они удобны. Но и это не все. Кроссовки — это стиль. Это стиль жизни, который требует не просто терзать себя гимнастикой в семь часов утра, а делать это весело и под музыку. Это стиль разумного оптимизма, благоразумного отношения к здоровью и пританцовывающей легкой походки. Аэробика. Бег трусцой. Молоко и сок. А также кроссовки.

Но не всякие. Вот, например, в столичном магазине «Спорттовары» № 24 в огромных картонных ящиках — в каждом штук по сто — ждут покупателей кроссовки московской фабрики «Старт». Но покупатель их не берет. Директор магазина вытягивает одну наугад и ставит перед собой на стол. Кроссовка — коричневая, корявая, будто вылепленная из глины — стоит на столе так, что впору сказать: понурившись. Она будто чувствует свою некрасоту. «Безобразие,— говорит директор, поднимая кроссовку двумя пальцами за задник, как чистоплотный учитель за шиворот грязнулю ученика.— Вся измазана клеем. Не прострочена. Супинатор приклеен на боку. Им так удобнее клеить...»,— говорит она, и в этом «им» невыразимый сарказм.

Я разговариваю с главным инженером фабрики «Старт» А. М. Пироговым. Это тяжелый разговор. Стыдно, неудобно говорить ему в лицо, что он производит недоброкачественный товар. Но это не мое мнение — я зачитываю ему слова директоров и товароведов магазинов.

Он улыбается страдальчески. Он вдруг схватит с полки подошву и пома-

шет ею: «Ну что мы можем! Микропорка!» Но не скажет: «Чего вы ко мне пристали! Почему я должен за всю легкую промышленность, за весь дефицит отдуваться!» И правда: почему! За осташковских кожевенников, которые под видом второго сорта шлют кожи четвертого, за вечный красный краситель, за слабенький клей «Рапид». А попробуй главный инженер браковать, не принимать — так у всех ведь есть объективные причины, да и за браком своим поставщик в положенные десять дней просто не едет. Что делать тогда! Еще десять дней ждать экспертизы! Останавливать фабрику! «Вынуждены пускать брак в производство...»,— говорит Пирогов с улыбкой, а слышится: «Вы уж извините...»

«Ваши кроссовки не соответствуют размерам».— Директор, просивший не называть его фамилии.

«Так колодка разработана,— отвечает Пирогов.— Надо брать на размер больше. Если узкая нога — подходит. Если пополнее — уже нет».

«Неимоверные цвета лепят. Могут сделать бордовый с зеленым».— Товаровед магазина «Спорттовары» № 2 Л. И. Пертолисова.

«От поставщиков гамма идет,— отвечает Пирогов.— Не принимают они наши заявки по расцветкам. Какой у них есть под рукой краситель, тот и гонят. А у них красный почему-то есть...»

«Кроссовки фабрики «Старт» разваливаются. Люди через два дня приходят и кричат: «Это вы мне продали!» Пусть главный инженер приедет, послушает».— Это опять директор-аноним.

— Конечно, если в ней поиграть в футбол,— выдавливает из себя Пирогов.— На клею она. Шестнадцать-восемнадцать килограммов нагрузки выдерживает. А клей один на всю промышленность, другого у меня нет...

Мы молчим.

Но делать-то что, Александр Матвеевич! Выход-то где! Не для вас одного, с вашей старенькой фабрикой, а для всей индустрии, которая же должна наконец решить проблему кроссовок и произвести их вдоволь — и хороших!

— А вы возьмите опыт комбината «Спорт»,— говорит Пирогов, расслабляясь — ушли от больной темы...— Опыт закупки лицензий. Какой это дало толчок нашей промышленности! И какие кроссовки людям!

«Товар однодневной продажи» — так назвала их директор магазина № 24. А товаровед по обуви Мосспортторга Г. А. Леонова сказала: «Красивые кроссовки». В ее устах — устах профессионала, ежедневно принимающего и направляющего кроссовки, кеды, полукеды, чешки, бутсы и шиповки из разных городов нашей страны, а также из Китая, Румынии, Японии и Турции,— эта скупая похвала звучала почти поэмой. «Они легкие. Тысяча двести пар идет за несколько часов...» И дополнила товаровед магазина № 2, что в Москве на улице Кирова, Л. И. Пертолисова: «Есть неплохие наши кроссовки из Кимр. Но с лицензионным «Адидасом» не сравнить. У них нет никакого брака. Они заслуживают уважения...»

Это так. На фабрике меня провели по цехам и бегло, на ходу, показали пяток моделей — белоснежный «Старт» на двухцветной сине-белой подошве, «Финиш» с синим велюровым верхом, «Универсал» цвета глубокой морской воды и бело-голубой хромовый «Теннис-ройял», предназначенный для теннисистов высокого класса. И во всех этих моделях, в легком контуре их, в напряженном сочетании цветов и в обилии маленьких щеголеватых деталей — мягкие белые задники, серебристые косые полосы — заложено целое мироощущение, стремительное, как гоночный автомобиль, и приподнятое, как молодость. Человек, надевающий эти яркие кроссовки, не может быть больше ни унылым, ни вялым, ни пессимистом. Кроссовки требуют от своих хозяев пружинистого шага и спортивного интереса к жизни. И приятно было держать их в руках, и жалко ставить назад. В них действительно был стиль жизни—яркий, элегантный, интенсивный и, к сожалению, дефицитный... И главный инженер комбината В. А. Шашков, как бы предчувствуя и опережая мой вопрос, говорит: «Ну не можем мы обеспечить всю страну! Мы даже Москву обеспечить не можем. Мы производим 650 тысяч пар кроссовок в год, к 1990 году прибавим еще 500 тысяч, но все равно этого мало. Надо миллионов 50 в год. Надо развивать свою промышленность, поднимать ее до уровня «Адидаса».

Он добавляет: «Надо прямо сказать: закупка лицензий дает очень много. Это обогащение нашей промышленности. Это ускоритель развития...»

Лицензия — это больше чем просто производство высококлассной обуви. Это мгновенное подключение к мировому опыту в той области, где у нас своего опыта мало. Это решение в готовом виде, выигрыш времени. А каждый час, отданный каждым из нас в очереди за кроссовками, в сомнениях и волнениях,— хватит ли,— есть час, отнятый у жизни, пустой раздраженный час. Дефицит — болезнь, которую нужно лечить немедленно, иначе она становится хронической и отравляет жизнь. Дефицит на кроссовки уже вступил в подростковый возраст — ему лет четырнадцать...

Но не приводит ли покупка импортного оборудования и материалов к зависимости нашей легкой промышленности от внешних поставщиков!

Нет. Благополучная и качественная работа комбината «Спорт» равно выгодна нам и фирме «Адидас». По лицензионному соглашению комбинат 150 тысяч пар обуви поставляет в ФРГ, взамен получая клей, нитки и детали обуви. Лицензия — не благодеяние. Тут у каждого свой интерес и своя выгода.

Что касается материалов, то «Спорт» начал с обширного использования импорта. И сейчас импортные материалы составляют до 30 процентов. Но кожа поступает из Курска, и в прошлом году всего 4,5 процента ее были забракованы начальником ОТК Е. М. Червяковым: ничтожно малый процент. Другие материалы со временем были заменены аналогами, разработанными и созданными по заказу комбината «Спорт»: винилуретанискожу производит теперь Плунге, винилискожу — Нальчик. В модели «Универсал» импортными остались только югославский нейлон, подошва, нитки, клей и усилители — три фирменные адидасовские полоски. И если раньше комбинат выпускал модели, разработанные конструкторами Ади Дасслера, то теперь он вносит свой вклад: «Универсал», «Старт» и «Финиш» созданы совместно.

Покупка лицензии. Подтягивание смежных предприятий и даже отраслей до уровня лицензии. И тогда освобождение от импорта, который становится ненужным, и обретение самостоятельности на более высоком технологическом уровне... Быстрый ли это путь! Колеса и колесики экономики вертятся не сами по себе, а усилиями людей, и быстрота, с какой мы решим проблему, зависит в том числе и от того, насколько хватко и деловито Министерство легкой промышленности СССР развернется в сторону нового опыта — опыта, накопленного на комбинате «Спорт»...

Опыт фирмы «Адидас» — в чем он состоит! В отлаженной, гармоничной системе производства, способной к обновлению; в жестком контроле качества; в постоянном стремлении к новому — к новым моделям, к новым материалам, к новым приятным мелочам, которые так любит покупатель: то установка силомера на язычок кроссовки, то уже не двухцветная, а трехцветная подошва...

Опыт фирмы «Адидас» — это опыт перенятых приемов в производстве и в контроле качества.

Конечно, фирма использует сложное оборудование, но некоторые приемы удивительно просты и наглядны. «Я сам видел,— рассказывает начальник ОТК «Спорта» Евгений Михайлович Червяков,— идут по цеху два контролера с тележкой. Берут наугад кроссовку и начинают ее клещами рвать. Рвут за носок. Рваться должно не по клеевой кромке...» Адидасовские кроссовки выдерживают 45 килограммов на сантиметр, тогда как уже 21 килограмм считается высшей категорией по ГОСТу...

Комбинат усвоил этот стиль: жесткий, даже пристрастный в отношении собственной продукции. 98,9 процента ее сдается с первого предъявления. У предприятий Минлегпрома этот процент ниже. Но дело даже не в самой цифре. В условиях дефицита с первого предъявления может приниматься и недоброкачественная продукция — торговля все съест. Дело еще во внутреннем настрое, в самом отношении. Е. М. Червяков переводит из первого сорта во второй кроссовки с малейшим дефектом: раковинкой в два квадрат-

ных миллиметра на подошве, например. По ГОСТу — это допустимо. «Но надо все время делать лучше и лучше, совершенствоваться...»

«А для легкой промышленности задача стоит так: использовать наш опыт» (главный инженер «Спорта» В. А. Шашков).

Опыт фирмы «Адидас» — это простая истина о том, что в производстве кроссовок нельзя пренебрегать ничем. Совершенные конструкции. Гибкая технология. Передовое оборудование. Современные материалы. «Это четыре кита, на которых держится дело»,— говорит главный инженер, сидя за столом в своем большом светлом кабинете. Он торопится — в приемной его уже третью минуту ждут люди, которых он собрал на совещание. «Лицензия очень помогла нам,— так объясняет этот деловой стиль начальник ОТК Е. М. Червяков.— Сама атмосфера улучшилась. Ритмичная работа дисциплинирует людей, а высокое качество требует культуры...» И эта культура — спокойно-милая девушка-секретарь, яркие телефоны, простор, свет и музыка в цехах воспринимаются здесь как само собой разумеющееся, но я вспоминаю фабрику «Старт», где у дверей главного инженера сидит секретарша в телогрейке и читает «Вокруг света»... А главный инженер «Спорта» продолжает: «Нельзя закупать машины и не подкреплять их сырьем. Нельзя брать колодки модельной обуви и делать на них кроссовки. Нельзя создавать отдельные участки по производству кроссовок с разнохарактерной технологией — нужна единая гибкая технология и решения о специализации целых предприятий...»

Еще в 1983 году газета «Советская культура» выступила с двумя статьями, посвященными неверной ассортиментной политике Министерства легкой промышленности СССР и дефициту на кроссовки. «Для молодого потребителя созданы новые виды прогулочной обуви... клеевого и литьевого методов крепления типа кроссовок, «тренинг»... Минлегпром продолжает работу по улучшению качества и увеличению производства товаров, пользующихся повышенным спросом у покупателей»,— с невозмутимым спокойствием ответил тогда замминистра тов. Ефимов и пообещал в 1983 году дать «до 10 миллионов пар» обуви «типа кроссовок». Что значит — «типа кроссовок»? В 1985 году Минлегпром дал торговле 6 миллионов пар кроссовок, изготовленных по ГОСТу — из 14 миллионов заказанных. Но тов. А. Ефимова уже нет в министерстве, он уже не замминистра. Зато есть замминистра тов. А. А. Бирюков: «В обувной промышленности проводится определенная работа по увеличению объемов производства кроссовой обуви и улучшению ее качества. На 1986 год минлегпромам союзных республик... было дано указание о полном удовлетворении заявок торгующих организаций на этот вид обуви... в 1986 году торгующим организациям будет поставлено свыше 33 миллионов пар обуви кроссовой и для активного отдыха». Это уже 1985 год, и другая газета поднимает те же вопросы — «Советский спорт», но тон ответа по-прежнему безмятежен, и ничего не понятно. «Определенная» работа — это какая? Что значит — «обувь для активного отдыха»? То же самое, что «типа кроссовок», то есть все что угодно: кеды, полукеды, тапочки, сандалии, матерчатые туфли?

Может быть, нехватка мощностей и материалов — полное алиби? «Нет, это не так,— говорит заместитель директора Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торговли Александр Николаевич Яровиков.— И при этих мощностях можно было что-то сделать, если проводить правильную ассортиментную политику. Кроссовки перестали быть чисто спортивной обувью. Их носят дети в школу, молодые люди в кино, пожилые на даче. Целые категории потребителей можно было бы «отключить» от спроса на кроссовки, выпуская и совершенствуя обувь, специально предназначенную для них...»

Для занятий спортом — кеды и полукеды, похожие на кроссовки. Но 60 процентов опрошенных считают, что кеды имеют чересчур большой вес, неэластичны, некрасивы и потому не могут заменить кроссовки. Для пожилых людей — пусть немодная, неяркая, но гигиеничная, легкая и удобная обувь. Но такой обуви целенаправленно не выпускается. Привлекательную красочную отделку кроссовок, например, можно было бы перенести на другие модели и тем удовлетворить тех, кто хочет носить яркую обувь.

Все-таки хотелось бы задать несколько вопросов о кроссовках. Слышали ли в Минлегпроме СССР, что молодое население страны проявляет к ним интерес? Как Минлегпром собирается использовать опыт, полученный на комбинате «Спорт» и оплаченный валютой при покупке лицензии? Когда, наконец, будет побежден дефицит на кроссовую обувь и как?

Но всех вопросов я задать не успел. «Уже столько мы говорим на эту тему с вами! — взорвалась в телефонную трубку начальник отдела обуви Минлегпрома СССР Л. В. Львова, полагая, видимо, что и «Советская культура», и «Советский спорт», и «Ровесник» — все это одна компания.— Если вы не понимаете нас и продолжаете писать свое, то о чем нам говорить!»

Недостаточное внимание к выступлениям прессы, недостаточное внимание к миллионам людей, ждущим кроссовки,— не много ли для одного министерства?

«Ровесник» обойдется без интервью в Минлегпроме СССР. Но миллионы людей не обойдутся без кроссовок: они хотят иметь удобную, легкую и красивую обувь, и они хотят знать, что делается для того, чтобы они ее наконец получили.

«В Париже,— писал Бальзак в «Кузине Бетте»,— каждое министерство — это маленький город, откуда женщины изгнаны; но сплетни и интриги в них процветают, будто там служат целые сотни женщин». Замечание это требует ныне поправок: министерства изобилуют женщинами, а кумовья в них судачат ничуть не меньше кумушек.

Сказать по правде, и мужчины, и женщины с тех самых пор, как они появились на свет, обожают поговорить друг про друга; отчасти потому, что нас всех интересует человеческая натура, отчасти потому, что, мало веря в самих себя, мы обретаем слабое умиротворение в том, чтобы приметить, что и другие стóят не больше нашего; наконец потому, что любой разговор положено чем-то меблировать, а многие, если только перестанут пускаться в откровения — опасно или карабкаться на вершины общих рассуждений — трудно, не знали бы, что им и сказать, если б не сплетни.

Очевидно, что сплетни почти всегда недоброжелательны. Можно, конечно, вообразить, как вечера напролет восхваляются добродетели иного приятеля, и, к чести человечества, следует признать, что порой такое случается. Но абсолютная добродетель не такой уж частый гость.

ВАШЕ МНЕНИЕ?

СПЛЕТНИ

Андре МОРУА,
французский писатель

Стоит начать просеивать любой характер через решето обсуждений, как почти всегда наберется мало симпатичная шелуха, которая сгодится для насмешек. И потом хорошо, если злословие не переступает рамок порядочности, ну а если переступает — все равно весело. Досужий вымысел воспринимается слушателем как маленькая комедия. Если она занятна, смешна, то мало кто будет беспокоиться, правдива ли она. В Париже и не в Париже говорят, что угодно и про кого угодно. Весьма прискорбно, но редки те праведники, которые требуют доказательств.

Мольер все это разглядел. Селимена в «Мизантропе» хочет быть девушкой веселой и знает — увы! — что ей это удается. Тем охотнее пускается она на шутки. Стоит ей подбросить чье-нибудь имя, как она мигом поднимет этого человека на смех, хотя бы это и был влюбленный в нее Альцест, к которому она относится с почтением. Вокруг кровожадная компания требует, подначивает: «Еще, еще!» Как тут устоять! Нужно быть большой умницей, чтобы поостеречься и не хватить через край. Злая ли Селимена? Не думаю. Она не напускается на ту или иную жертву. Она не хочет принести вред, она хочет блеснуть. Чертовщина вся в том, что и невольно она, может быть, наделает много вреда. Слова небезопасны.

«Послушать вас, так вообще не стоит разговаривать». Стоит, Селимена, многое еще можно сказать. Есть же всякие и очень веселые истории, которые никому не причиняют вреда, те, что или построены на поверхностной черте характера и не ставят под удар чью-то репутацию, или рассказаны с мягким юмором, который, нанеся неглубокую ранку, мигом ее исцеляет. Если у героя такой истории есть чувство юмора, то он замечательно воспримет ее, будь она рассказана в его присутствии. Тут, без сомнений, кроется первое правило порядочности: «Не говорить за спиной человека то, что не осмелишься сказать ему в лицо». И второе: «Что бы вы ни говорили, говорите беззлобно».

Спасительный источник, если разговор ослабевает и вот-вот угаснет, жизнь знаменитостей, с которыми вы лично не знакомы. Любая сплетня про них вызывает интерес, будь она про Брижит Бардо или про какую-нибудь венценосную особу. Большая ошибка считать эти сплетни невинными. Анекдот, сплетня вырастают до клеветы, и болтуны рискуют вызвать цепную реакцию, от которой взлетит на воздух чье-то счастье. Мария-Антуанетта умерла, в буквальном смысле слова, жертвой сплетен.

И особенно следует остерегаться стать, самому того не желая, причиной несчастья людей, не сделавших вам ничего дурного. Рассуждают так: «Что плохого, если я расскажу эту историю, может, даже и выдуманную, но забавную, в кругу приятельниц?» Это значит, что вы плохо знаете человеческую натуру. Приятельницы ваши назавтра пожелают, в свою очередь, блеснуть в кругу более многочисленном и перескажут вашу историю, добавив к ней живописные подробности собственного изготовления. Их было шестеро; они перескажут ее шестидесяти; те — шестистам. Бомарше прекрасно описал подобный слушок, который сначала выползает, потом ползет, потом раздувается и затопляет все в округе.

Немного нужно времени, чтобы взрывоопасная смесь из тонны лжи и одной унции правды достигла того самого человека, которого она уничтожит. Уже и жена, и дети потрясены тем, что они считают откровением и что на самом деле — клевета. И вот безвинные жизни отравлены болтовней. Все знают, что от таких ударов умирают. Бальзак (поскольку о нем следует помнить всегда) был убежден, что и мысль убивает. Это подтверждают медики. Бывают болезни от отчаяния. Весельчак, считавший, что он пошутил, пусть и не очень удачно, оказывается виновным в преступлении. «Я этого не хотел»,— скажет он. Может быть, но вы это сделали. Вы — убийца.

Мы начали с мелких примеров и добрались до великих трагедий. Вернемся к разговорам, не преступающим рамки закона. И прежде всего подумаем вот о чем: раз уж в общении мы не можем обойтись без разного рода анекдотов, почему бы не находить их там, где они не могут принести никакого вреда? Я хочу сказать: в прошлом. Анекдоты из прошлого никому уже не вредят и имеют шанс оказаться ближе к истине, чем пересуды о настоящем, поскольку существуют документы, переписка, мемуары, где можно их проверить. Никто не достиг в таких анекдотах большего совершенства, чем Сен-Симон. Почитайте его. Прежде всего он восхитительно пишет, потом он знал великих лучше, чем ваша соседка знает принцессу голландскую, а ваш парикмахер — Софи Лорен; наконец, люди, о которых он поведал, давно уже завершили свой земной путь, так что, если он и злословил (это у него есть), то, по крайней мере, имел осторожность не публиковать свои записки при жизни.

Вам хочется знать, как живет Франсуаза Арди? Клянусь вам, жизнь мадемуазель Марс или Рашели никак не менее интересна и куда более доступна для изучения. Уже сорок лет мы с женой живем более в XIX веке, чем в XX. Мы не устаем сплетничать о Гюго и Виньи, о Жорж Санд и Мюссэ, о Бальзаке и графине Абрантэс[1].

Двойная польза: мы имеем в своей компании замечательных людей и никому не делаем вреда. Вы скажете мне, что в один прекрасный день появятся сплетни и обо мне; я скажу: я скромен, чтобы в это поверить, но если такое должно случиться, то от этих сплетен в те неблизкие времена моей тени будет ни тепло, ни холодно. Если скажут правду, то, надеюсь, она придется по вкусу тем, кого я уважаю; если ее исказят — на здоровье! Найдется какой-нибудь честный человек, чтобы на это возразить.

Вернемся к сплетням о здравствующих. Одна вещь кажется мне важной. Сплетни рисуют живых людей черным и белым. Такой-то — чудовище, такая-то — не знающая меры алкоголичка. Присмотритесь к людям, разве все так просто?

Чем талантливее художник, тем больше он вносит оттенков. Нужны нюансы. Наряду с недостатками у такой-то есть свои положительные стороны. Вырисовывая характер с большей тщательностью, вы не потеряете в остроумии, вы выиграете. Если бы мы знали людей как самих себя, самые досадные из их промахов заслужили бы наше снисхождение. За сим продолжайте вашу беседу...

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

---

[1] *Франсуаза Арди, французская киноактриса; мадемуазель Марс, театральный псевдоним знаменитой актрисы «Комеди Франсез» Анны Бутэ, 1779—1847; Рашель, французская трагедийная актриса Э. Феликс, 1821—1858; Лаура Пермон, в замужестве графиня Абрантэс, 1784—1838. Автор книги «Мемуары».— Прим. ред.*

НЕТИПИЧНАЯ ЗВЕЗДА,

КОТОРУЮ ХОТЕЛИ БЫ СДЕЛАТЬ ТИПИЧНОЙ

Есть место на окраине города,
возвышающееся над заводами и полями.
С детства запомнился мне
особняк на холме.
Днем видны были дети,
игравшие на дорожке, что вела
от ворот изящной решетки,
окружавшей
особняк на холме.
А летом там ярко светились огни,
играла музыка, и все время
раздавался чей-то смех.
И мы с сестрой,
спрятавшись в высокой кукурузе,
прислушивались к звукам,
доносившимся из
особняка на холме...

Брюс Спрингстин,
«Особняк на холме»

Вот как писал Джефф Долтон, корреспондент журнала «Роллинг стоун»: «Главным местом во Фрихолде, штат Нью-Джерси, была, пожалуй, ткацкая фабрика. Текстильная компания давно отсюда уехала, а здание фабрики — кирпичное напоминание о прошлом — занято сейчас мелкими лавками и мастерскими. Есть вообще-то два Фрихолда. В одном элегантные особняки прилепились к вылизанным до блеска конюшням. В другом, вокруг фабрики,— домишки на две семьи с чистыми садиками, за которыми ухаживают работящие люди, обеспокоенные тем, что их работа тоже может переместиться куда-нибудь на юг, как текстильная компания, или за границу, или вообще испариться— Брюс Спрингстин вырос в домике на две семьи, рядом с бензоколонкой.

Неплохое место, чтобы расти — и сейчас, и двадцать лет назад, но не лучшая почва для взращивания больших надежд. Во Фрихолде скорее будешь ходить не в колледж, а на работу — делать клейкую ленту для компании «Три Эм» или растворимый кофе для «Нескафе», и предполагается, что ты не должен особо шуметь по этому поводу. Дуглас Спрингстин, отец Брюса, так и поступал: приходил с работы, садился на кухне и думал о жизни. За кухней была комната, но это для особых случаев, для гостей. Все остальное происходило здесь, на кухне. Вот приходишь, а отец сидит за кухонным столом, читает газету, постаревший от работы, которая, похоже, специально для того и предназначена, чтоб на ней стареть. Может, скажет что-то вроде «иди-ка постригись»...

Брюс начинал, как многие, в школьном ансамбле. И, как многие, этот ансамбль начинал с подражания — в те времена подражали «Битлз», Бобу Дилану с его правдивыми и горькими балладами — неплохие образцы. А еще им повезло, потому что по соседству жил фабричный рабочий Текс Виньярд.

«Своих детей у Виньярдов не было. Текс собирал вокруг себя мальчишек, они постоянно крутились у него в доме, а мы у него в гостиной репетировали. Виньярд ничего не знал о музыке, но он знал, что ему нравится, а что нет, и знал твердо. Он не мог объяснить, где именно я играю неправильно, но заставлял играть на гитаре до тех пор, пока не получалось как надо.

Иногда Текс терял терпение и орал: «Вы ведете себя как дети!» Тогда жена Текса, Марион, говорила: «Они и есть дети», и приносила нам газированную воду. Мы выпивали галлоны газировки.

Я верил в силу рок-н-ролла. По крайней мере, я верил, что он вытащит меня из серого домика на две семьи во Фрихолде. Текс, наверное, не понимал этой музыки, он любил кантри, но он тоже верил в нее... Сколько он там зарабатывал на своей фабрике! Тем не менее он в долг купил для нас подержанные инструменты и попросил владельца нотного магазинчика записать на ноты наши собственные песни, чтобы на всякий случай зарегистрировать наши авторские права.

Еще он играл с нами в футбол, возил в своем старом автофургоне на концерты и гонял за все, что попахивало «улицей»: спиртное, сигареты и всякое такое. Мы называли его «Босс», чернокожие мальчишки звали его «Бвана».

Из воспоминаний
Брюса Спрингстина

Песни, которые писал и пел Брюс, были песнями Фрихолда и сотен других таких же городков и тысяч других таких же мальчишек. Все они мечтали вырваться из своих Фрихолдов куда-то туда, где шла яркая, как в кино, жизнь, и в той жизни было больше радости, и работа была не такая, как у их отцов — «специально для того и предназначенная, чтоб на ней стареть». «Великая Американская Мечта» — «из чистильщика обуви в миллионеры» — к тому времени приобрела новый вид: «из гитариста школьного рок-ансамбля — в миллионеры». И не беда, что из тысяч чистильщиков или гитаристов миллионером стал один: пишут-то и говорят об одном, а о тех, кто не стал, и читать неинтересно. Не вселяет надежды.

Брюс не единственный из того школьного ансамбля, кто отправился на прослушивание в фирму грамзаписи. Но единственный, кто прошел.

В американских фирмах грамзаписи сидят очень расторопные люди. Среди них есть энтузиасты своего дела, искренне желающие, «как лучше». Но большинство все-таки обыкновенные бизнесмены, для которых музыка такой же товар, как любой другой. Товара должно быть больше, продаваться он должен лучше, и фирмы заинтересованы в постоянном притоке свежего сырья. Отношение к сырью соответствующее: пришел, прослушали, не понравился — ушел. Спрингстина решили оставить. Молодой, энергичный, песни сочиняет сам. К тому же такой наивный, такой типичный американец из простой американской семьи, никакой зауми (к тому времени псевдофилософские выкрутасы всяких там хиппи успели публике поднадоесть). Это должно пойти, решила фирма, нуждавшаяся в новой звезде.

Расторопные люди из фирм грамзаписи умеют делать звезд. Сразу оговоримся: если звезда, это не обязательно посредственность, за которую все сделали менеджеры, продюсеры и звукорежиссеры. Многие поп-музыканты стали звездами потому, что талантливы (и вовремя попались на глаза). Но многие — в результате «хайпинга», процесса «проталкивания» сначала на страницы прессы, потом в эфир и, в конце концов, в списки популярнейших пластинок. Конечно, никто не станет проталкивать совсем уж безнадежных. Просто иногда

наверху оказывается тот, кто в принципе ничем не лучше других, но приглянулся фирме.

Брюса начали готовить в звезды. В газетах появились рецензии, а один из критиков объявил: «Я видел будущее рок-н-ролла. Его имя — Брюс Спрингстин».

Реклама сделала свое дело. Но в этот момент в прессе поднялась кампания против «хайпинга», критикам — конкурентам того критика, который объявил Спрингстина «будущим рок-н-ролла» — удалось доказать, что многие свои оценки данный критик выносил не без денежной «подсказки» фирм грамзаписи. И Спрингстин попал в разряд «хайпингованных».

«Что мне оставалось делать? Я вернулся домой, пришел к Тексу. Текс выслушал все и сказал: «Играй, парень. Должен играть — играй».

Люди из фирмы тоже не оставляли меня в покое: они понимали, что, если я докажу, что могу и без «хайпинга» быть популярным, я реабилитирую и их. И я работал...

Я становился популярным, я богател. И впервые стал задумываться над этим, когда заметил, что мне начали подсовывать разные вещи. Сначала машину — лимузин, потом — большой особняк на холме... А кому охота слушать песню о тяжелой работе на фабрике, если ее поет миллионер?»

Из воспоминаний Брюса Спрингстина

Понимая, что слишком отдаляется от своих корней, он немного перегнул: стал писать песни, в которых слишком явным было стремление сказать «я все еще с вами, я по-прежнему простой парень». Пластинка «Река» как раз того периода. Фальшь почувствовали немногие. Главное, что среди тех, кто почувствовал, оказался и сам Спрингстин.

Он надолго засел в маленькой домашней студии и писал песни, аккомпанируя себе на акустической гитаре и губной гармошке (перед этим как раз прочитал биографию Вуди Гатри[1]). Неизвестно, думал ли он с самого начала сделать такую пластинку, а если думал, то непонятно, на что рассчитывал — музыка была какой-то слишком уж старомодной, все внимание предлагалось сосредоточить на словах.

Журнал «Роллинг стоун», назвавший пластинку «Небраска» лучшим диском 1982 года, писал, что в этих тихих балладах под перебор гитарных струн Спрингстин сумел создать образ Америки патриархальной. Другие критики отмечали, что, помимо самого Брюса, на пластинке незримо присутствуют многие другие американцы — Вуди Гатри, Джон Стейнбек с его романами о жизни трудовой Америки.

Конечно, если бы Спрингстин пел только о трудном и горьком, вряд ли бы он имел такую многочисленную аудиторию. Но дело в том, что в его песнях звучали и надежды — надежды той Америки, которая не нищая, но и не богатая, которая живет неплохо, пока есть работа, покупает в кредит дома и автомобили и изо всех сил хочет верить, что завтра будет если не лучше, то хотя бы не хуже, чем сегодня. Среднего американца так долго убеждали в том, что он живет в лучшем из миров, что он, хотя и осознает, что его мир совсем не хорош, усиленно гонит от себя тревожные мысли. Вот одна из типичных песен Спрингстина о большой надежде:

Сестренка сидит на переднем сиденье
со стаканчиком мороженого.
Мама — одна на заднем сиденье,
а отец медленно выруливает со стоянки
в пробную поездку по Мичиган-авеню.
Мама вертит на пальце
обручальное кольцо
и видит, как продавец
разглядывает руки
моего старика и все говорит о скидке,
которую он с удовольствием сделал
бы для нас, да не может.
Эх, сбылась бы моя мечта,
я бы знал, что делать!
Так вот мистер, если я
когда-нибудь выиграю в лотерею,
ни за что в жизни не буду ездить
в подержанных автомобилях.
Сбежались ближние и дальние соседи
поглазеть, как мы тащимся в нашем
новеньком подержанном автомобиле.
А здорово было бы,
если бы он сейчас взревел,
дал газу — и не видеть бы их
никогда!
Отец все время вкалывает
на одной и той же работе.
Я хожу домой по тем же грязным улицам.
Уже за квартал я слышу,
как моя сестра,
сидя на переднем сиденье,
нажимает клаксон,
и этот звук разносится
по всей Мичиган-авеню.
Нет уж, мистер, когда выпадет мой
счастливый номер,
ни за что в жизни не буду ездить
в подержанных автомобилях.

Бо́льшая часть публики слышала в песнях Спрингстина то, что хотела услышать, потому что певец виделся ей олицетворением «счастливого номера» в лотерее: простой парень, из какого-то Фрихолда, а попал в суперзвезды. «Типичный американец».

Подтверждением этому стала история, приключившаяся с песней «Рожденный в США». Песня начиналась словами «рожденный в США», и повторял их Спрингстин несколько раз, и его открытая улыбка, и сильная, пружинящая музыка как бы зажигали в сознании публики табло с надписью «патриотизм», и толпа ревела от восторга: как же хорошо быть рожденным в США! И за собственным ревом не слышала, не хотела слышать, о чем же песня. А это песня о парне, рожденном в США и отправленном воевать во Вьетнам. Ему повезло — он вернулся домой живым и невредимым, но «грязная» война изуродовала ему душу.

Высказывание одного из инвалидов вьетнамской войны:

«Люди не хотят думать о ветеранах Вьетнама, потому что теперь все, что связано с той войной, вызывает только отрицательные эмоции. Но Брюс публично встал в один ряд с прокаженными Америки, привлек внимание к нашим проблемам».

Из сообщения агентства Ассошиэйтед Пресс:

«Со сцены Спрингстин призвал своих поклонников посетить мемориал американских солдат, погибших во Вьетнаме. «Если будет еще одна война,— сказал он,— в Центральной Америке или где-то еще, воевать пошлют вас. Подумайте об этом и решите, как поступить».

Даже журнал «Тайм» писал: «Это была блистательная песня о *несбывшихся* надеждах, тем не менее ее рефрен вырван из контекста и приспособлен под гимн американского ура-патриотизма».

Но ведь нельзя же сказать, что все кругом были такие уж «запрограммированные»? Конечно, нет. Эту песню поняли те, к кому в первую очередь обращался Спрингстин, думающие американцы. Но на неожиданной для самого Спрингстина реакции публики сыграли и другие — тоже не глупцы. Были срочно выпущены маечки и значочки с надписью «Брюс — Рэмбо рок-н-ролла»[2]. И Спрингстин вновь оказался как бы запятнанным — этими маечками.

Среди политических деятелей стало модным говорить о своей любви к Спрингстину. Один из них сказал:

— Будущее Америки покоится на вере, которой исполнены песни Брюса Спрингстина.

Брюс на это ответил так (дело было на концерте):

— Непохоже, чтобы они слышали вот эту песню:

В тот вечер закрыли автозавод в Моухе.
Ральф пошел искать работу,
но ничего найти не смог.
Вернулся домой,
взял ружье и застрелил ночного портье.
Теперь его зовут Джонни-99.
Судья вошел в зал заседаний
и сверху вниз посмотрел
на беднягу Джонни.
Улики бесспорны, так пусть же
и наказание будет под стать вине.
Тюремное заключение сроком на 98 лет
плюс еще один год.
И будет у нас Джонни-99.
Еле удалось унять девушку Джонни,
а его мать встала и закричала:
— Не поступай так, судья,
с моим мальчиком!
Ну же, парень,
ты должен сказать свое слово,

[1] *Вуди Гатри (1912—1967) — крупнейший представитель рабочего песенного движения, исполнитель народных баллад. Здесь и далее прим. ред.*

[2] *О Рэмбо — кинокумире самых ярых антикоммунистов — «Ровесник» писал в № 5 за этот год.*

прежде чем судебный пристав явится,
чтобы увести тебя навсегда.
Так вот, судья, у меня такие долги,
что честному человеку с ними вовек
не расплатиться.
Моя закладная в банке,
и там уже собирались
выселить меня из дома.
Я не хочу сказать,
что это снимает с меня вину.
Но ведь это еще не все причины,
из-за которых я взял в руки оружие.

Может создаться впечатление, что вот стоит с одной стороны талантливый и думающий человек, а с другой — группа заговорщиков, которая хитрыми способами пытается извратить все его благие намерения. Это не совсем так. Заговора нет — и он есть. Он в самом образе жизни, образе мышления современной Америки.

Вот, например, такой факт: Спрингстин активно поддерживал недавнюю забастовку сталелитейщиков, давал концерты для рабочих, собирал средства в фонд бастующих. Он написал песню «Семена», рассказ о горькой судьбе рабочих, которые покидают Детройт — автомобильная промышленность приходит в упадок — и перебираются на заработки на нефтяные месторождения в окрестностях Хьюстона. Но и там вскоре наступает кризис, и рабочие лишаются своего законного куска «американской мечты». В песне «Мой родной город» с пластинки «Рожденный в США» Спрингстин рассказал о том, как в 1964 году в его родном городе Фрихолде закрылась ткацкая фабрика и что это значило для жителей. Потом через прессу обратился к компании «Три Эм» с призывом не закрывать завод: ведь тогда еще 330 человек останутся без работы.

Но в американской прессе постоянно мелькают сообщения о разных благотворительных начинаниях знаменитых актеров или поп-музыкантов. И часто это делается не по велению сердца, а потому, что так принято: это престижно, это красиво, это доказывает, что ты хоть и забрался на вершину, но не забываешь о сирых и убогих. Это тоже часть «заговора»: люди, совершающие подобные поступки потому, что так велела им совесть, как бы стоят в одном ряду с теми, кто стремится заработать на симпатиях публики. И честные скомпрометированы соседством с бесчестными.

Сбор средств в пользу бастующих рабочих — естественный для Спрингстина поступок. Он как бы выплачивает свой долг Тексу Виньярду, отцу, всем тем людям, среди которых он рос. Но в это же время одна из фирм готовой одежды выбросила на рынок джинсы «как у Спрингстина», потертые и с дыркой на коленке. Джинсы дорогие: демократичность снова в моде. Ее сделал модной сам Брюс Спрингстин.

У него есть пластинка «Рожденный бежать». Что ж — ему так и бежать по кругу? Все равно догонят и поставят на отведенное ему место?

И почему им удается «поставить его на место»?

По материалам зарубежной прессы подготовил Л. ЗАХАРОВ

Таможенники мадридского аэропорта мрачно взирают на странных пассажиров: ну зачем современному туристу три шелковых цилиндра? И почему кролики, кошки, попугаи и голуби считаются «ручной кладью»? А что это за роскошные инкрустированные шкатулки, в которых какой-то варвар проковырял дыры? Чья трость с серебряным набалдашником, чья? «Извините,— начальник таможни облегченно вздыхает, наконец-то он в своей стихии,— серебро ввозить запрещено!» Но тут запрещенная трость на глазах трансформируется в газовый шарфик: а это можно? «Так что же это, сеньор, трость или шарф?!» — «Да ни то и ни другое». Злодей закуривает, и предмет спора бесследно исчезает в клубах дыма.

Вот так в столицу Испании прибывали маги из тридцати стран, чтобы принять участие в конгрессе, который раз в три года проводит Международная федерация иллюзионистов. Магов было тысяча двести...

На протяжении шести дней и ночей специалисты в области чтения мыслей, корифеи так называемой общей магии, просто фокусники, а также жрецы великих иллюзий боролись за главные призы федерации. Были прочитаны лекции на такие животрепещущие темы, как разрезание и восстановление веревки без узлов и каких бы то ни было клеящих средств, под потолком парил веселый клин блондинок, а на первом этаже разместилась выставка новейшего реквизита. По-моему, ни один уважающий себя маг так и не соизволил заглянуть сюда. Там околачивалась всякая мелкота: чахлые факиры и один воришка, который стянул зонтик. Интересно, что он почувствовал, когда зонтик, как и положено, превратился в огромный мужской сапог?

В фойе Дворца конгрессов ко мне подошел старый знакомый, Боб Браун из Сакраменто. Черный костюм и постная физиономия делали его похожим на гробовщика: действительность в виде таможенной службы и налогового сбора вклинилась между Бобом и его великой иллюзией — таможенники задержали реквизит. «Они хотят залог в три тысячи долларов, где я их возьму, черт побери? А выступление завтра!» Он прорычал какие-то угрозы в адрес рода человеческого и, шаркая ногами, сгинул в боковом коридоре.

Боб выступает вместе с Брендой, летающей девицей неопределенного возраста, которую он запускал почти во всех европейских столицах. Мадрид Боб решил поразить новым номером: он разрубает Бренду влет здоровенным ятаганом, каково?

Бренда кавалерийским шагом прогуливается перед входом в здание, где расположен организационный комитет: Бренде срочно нужны здоровые и упитанные кролики. От организационного комитета всем что-то нужно. Зачастую именно то, что организационный комитет обеспечить не в состоянии, то есть организованность. Отсутствие организованности поражает своими масштабами, оно практически полное, но сколько в этом бедламе изящества и внутреннего благородства! К примеру, если очередной тур назначен в три, никто не торопится: испанская пунктуальность тоже достойна восхищения — все мероприятия начинаются ровно на час позже назначенного времени.

Но это еще полбеды. Вот у шведского участника (по крайней мере, он думает, что является таковым) проблема посложнее. Он должен был выступать еще вчера, но реквизит по ошибке попал в Амстердам, откуда его доставили сегодня утром. Швед примчался в организационный комитет и только здесь узнал, что его уже лишили права на выступление.

«Но я должен выступать.— Швед стучит кулаком по столу.— Я готовил номер три года!» — «Нет никакой возможности,— мягко увещевают его члены комитета,— но мы попробуем что-нибудь для вас сделать».

Рон Макмиллан, иллюзионист из Лондона, молча созерцает пустой стакан. Похоже, он собирается сотворить новую порцию эля, мне очень хочется узнать подробности чудесного искусства, но в этой среде подобные разговоры не приняты, и я спрашиваю, почему так мало английских магов приехало на конгресс. Что это, кризис талантов?

Рон качает головой. Просто поездка в Мадрид, пребывание в нем неделю и обратная дорога — все это стоит недешево, а деньги творить маги пока не научились.

Для большинства участников конгресса выступление здесь — все равно что восхождение на Эверест под собственным штандартом: выступать-то надо перед искушенными профессионалами. Сидящие в зрительном зале прекрасно знают, как делается каждый трюк. Критический разбор происходит тут же, с привлечением не только соседей, но и далеко отстоящих рядов. Вы не найдете здесь ни одного зрителя с куцым театральным биноклем — сцена, как поле битвы, просматривается сквозь мощные подзорные трубы и полевые бинокуляры. Жюри судит благосклонно, но без поблажек — аплодисментов удостаиваются только самые изысканные номера, отличающиеся своеобразным стилем, техникой и особой ловкостью исполнения. Члены жюри по нескольку тысяч раз видели все эти трюки, но в них жива надежда, что, может быть, на этот раз они станут свидетелями чего-то совершенно нового!

Увы. Изо дня в день братство магов-магистров наблюдало все те же возникающие из ничего и превращающиеся в ничто разноцветные шары, цепи из неразъемных стальных колец, распадающиеся на отдельные звенья, веревки, завязывающиеся в узлы, которые потом бесследно исчезают. Вновь и вновь: карты, собаки, свечи, коты, попугаи и голуби, текущие полноводной рекой из платков, цилиндров, газет и перчаток, из вспышек пламени и сигарного дыма...

А вот что-то новенькое: на сцене огромное пятнистое яйцо, половинки

АХ КАК НАДОЕЛ КРОЛИКУ ЦИЛИНДР!

Дэвид МОРЛИ,
английский журналист

(ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ С КОНГРЕССА ИЛЛЮЗИОНИСТОВ)

скорлупы резко открываются, и в них появляется пушистое оранжевое создание с блестящими круглыми глазами. Происходят всякие сложные и интересные события, хороший, как мне, профану, кажется, номер...

После яйца наступает очередь специалистов по материализации живности: японский фокусник выступает с утками, а претендент из Колумбии напускает в зал белоснежных голубей. Создание пернатых из ничего, по-видимому, не представляет особого труда, куда сложнее обстоит дело с обратным процессом — освобожденные утки, радостно крякая, разбредаются по сцене и упорно не желают исчезать. Стая голубей совершает круг почета и, заразившись непослушанием от уток, рассаживается по карнизам.

Я проникаю за кулисы. Вылупившееся из яйца оранжевое существо отдыхает. Оно состоит из двух человеческих существ, хотя в программе заявлен только один исполнитель. Они снимают свои шлемы, которые из зрительного зала кажутся глазами, и вытирают блестящие от пота лица.

Левый глаз представляется как Брухуло — его настоящее имя Рамон, он актер на телевидении. Правый глаз зовут Рикардо, и это он не значится в программе. Рикардо выступает в конкурсе чтения мыслей под именем Дон Альберто, «чтобы сбить с толку жюри», как он сам объясняет чехарду с именами. Рикардо, он же Дон Альберто, говорит, что его настоящее имя Хесус, а на жизнь он зарабатывает продажей кондиционеров, однако и это еще не все: оказывается, по образованию он радиоинженер. Он делает паузу, видимо, чтобы дать мне переварить всю эту кашу из Донов Рикардо и радиокондиционеров с дипломами иллюзионистов. Левый глаз пожимает плечами: ничего особенного, магия требует жертв.

В одном из закутков маленький японский фокусник упаковывает волшебные кофры. Он пролетел несколько тысяч миль от Нагойи до Мадрида, и все ради десятиминутного выступления, которое закончилось полным фиаско: «А все эти утки! Кря-кря-кря да кря-кря-кря! Так безобразно вести себя на сцене... и это в самый ответственный момент моей жизни!»

И вот последний день, последний тур и подведение итогов (шведский иллюзионист успокоился: комитет, наконец, сжалился и позволил ему выступить).

Под аккомпанемент вялых аплодисментов на сцену взбираются три господина. Самый главный из них начинает торжественным голосом расточать похвалы в адрес жюри. Ему понравилось жюри. Ему понравился и организационный комитет. Он хвалит всех, за кого может зацепиться его память. Склероз ему вряд ли грозит. Он передает микрофон коллегам, которые произносят то же самое на английском и французском.

Вручение призов — самое впечатляющее событие. Маги и есть маги: почти половина призов останется, мягко говоря, не больше чем иллюзией. Не будет первого приза для иллюзионистов, общая магия не удостоилась ни первого, ни второго, а категория так называемых «новинок» вообще обойдется без наград.

Вхожу в вестибюль. Из зала доносится: «магия»... «великолепно»... «магия»... «потрясающе» и опять «магия». В углу, возле табачного киоска, стоит картонный ящик. Судя по окраске, он имеет прямое отношение к конгрессу. Осторожно открываю крышку и вижу внутри белого кролика — постой, постой, приятель, где-то я уже тебя встречал. Неужели?.. Не могла же она забыть?..

В этот момент слышу за спиной цоканье знакомых каблуков: ну да, Бренда. «Кролик! Ему надо дать морковку и налить в блюдечко воды. Мой бедненький!» Она поворачивается к продавцу сигарет и жестами показывает, что кролика надо покормить. К счастью, продавец говорит по-французски, и все прекрасно устраивается. Бренда счастлива. Продавец счастлив. Он возьмет кролика домой, и его дочка будет счастлива.

Самый счастливый — кролик: он больше никогда не будет сидеть в цилиндре.

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ

ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ. Певицу из США Уитни Хьюстон вы видели в передаче «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Уитни двадцать один год, в прошлом она манекенщица, свой первый альбом выпустила в 1985 году. Он сразу же принес ей первое место в списке «Дебютанток года», который составляет журнал «Роллинг стоун», и пятое место в списке «Лучших певиц года». Критики отмечают, что в своем творчестве Уитни Хьюстон продолжает семейные традиции: ее мать — знаменитая исполнительница негритянских госпелов и музыки «соул» Сисси Хьюстон, а тетя — столь же знаменитая певица Дайонна Уорвик.

«ША́БАДАБАДА, БАДАБА ДА́БАДАБАДА». Попробуйте произнести эти звуки. Не возникает в памяти мелодия! Если нет, проговорите их папам и мамам, и вы увидите, как помолодеют их лица. Потому что это магические звуки, которые ложились на знаменитую двадцать лет назад мелодию Франсиса Лея из любимого фильма ваших пап и мам «Мужчина и женщина». В 1966 году французский режиссер Клод Лелюш получил за этот фильм приз Каннского фестиваля, и с тех пор простая и немного сентиментальная история любви не сходит с мировых экранов (время от времени «Мужчину и женщину» повторяют и в нашем прокате).

И вот на экране «Мужчина и женщина 20 лет спустя». Тот же режиссер, те же актеры — Жан-Луи Трентиньян и Анук Эме, тот же композитор. История любви, которой уже двадцать лет. Ша́бадаба́да...

ЖЕРТВЫ ПРОГРЕССА! Все для вас, дорогая публика! Гигантские качели, крутые горы, карусели, вращающиеся и горизонтально и по вертикали. Но самый популярный аттракцион, которым владеет Оскар Брух из города Андернах в ФРГ,— это железобетонная семисоттонная конструкция, по которой мчатся капсулы с пассажирами. Четыре переворота через голову! Всевозможные крены и дикая скорость! Недаром Оскар Брух назвал это чудо увеселительной техники «Страшилой».

Насколько безопасен такой аттракцион! Владелец утверждает, что «стопроцентно безопасен». Но статистика свидетельствует: в первый год две капсулы слетели с рельсов — четверо убитых; через два года отказал тормоз заднего хода — девять раненых; потом еще двадцать три человека получили ранения — капсула не смогла вовремя остановиться. «Это переживание, которое вы никогда не забудете!» — обещает реклама. Но табличка у касс гласит: «Последний шанс. Здесь вы еще можете отказаться», а другая табличка — видимо, обращенная к потенциальным пострадавшим,— заявляет холодно: «Вы были предупреждены!»

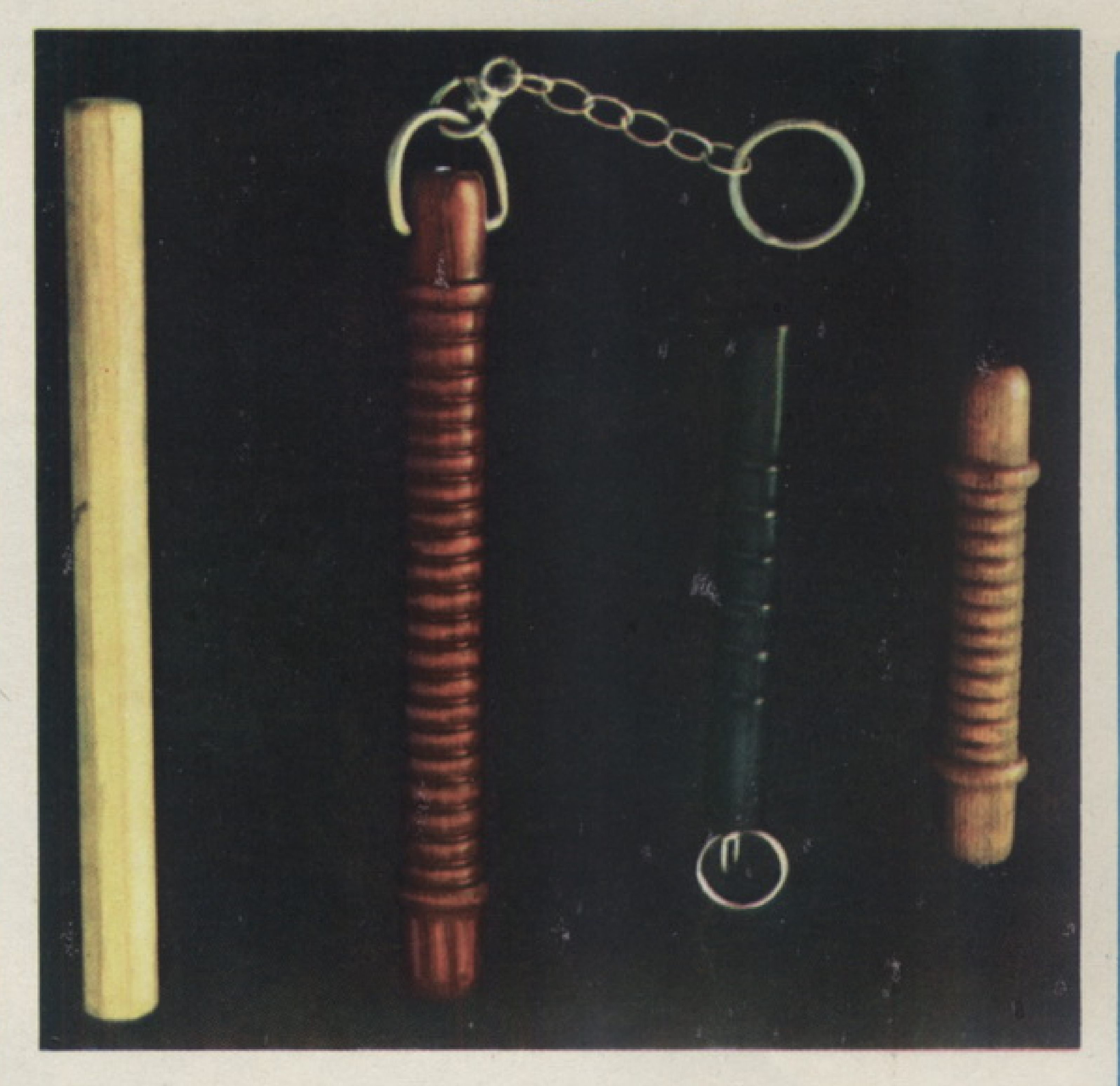

БЕРЕГИТЕ ПУГОВИЦЫ! Раньше нецке — вот эти миниатюрные фигурки — были обыкновенными пуговицами. С их помощью японцы прикрепляли к поясам кимоно сумки с письменными принадлежностями и прочими необходимыми в обиходе вещами. У тех, кто побогаче, нецке были из слоновой кости, у тех, кто победнее,— из дерева: сандалового, эбенового, вишни.

Сегодня многое изменилось. Японцы ходят в стандартных костюмах, а нецке заняли почетные места во многих музеях мира. Богатую коллекцию нецке вы можете увидеть в московском Музее народов Востока.

НОВЫЙ СТЕЖОК ВООРУЖЕНИЙ. Помните бабушкин «Зингер»? Ту самую швейную машинку, на которой хоть сапоги тачай, хоть кружева пришивай. «Зингер» прибыл в Россию еще в начале века, прибыл из Америки и, у кого в домах машинка сохранилась, до сих пор служит безотказно.

Но кончились идиллические времена. Нет больше фирмы «Зингер», которая 135 лет производила швейные машинки. А есть фирма «Зингер», которая переключилась на производство оборудования для военных самолетов и ракет. Потому что тачать бомбардировщики куда выгоднее, чем пришивать кружева к батисту.

ГУМАНИЗМ НА МАРШЕ. У британских полицейских праздник: они получили новые модные дубинки. Прежние были примитивными и негуманными: жертва «отключалась» лишь после того, как ее хорошенько ударяли по голове. А эти, легкие и удобные в применении, значительно расширяют спектр действий. Новые дубинки прошли «полевые испытания» во время недавних антирасистских демонстраций в Лондоне. Там же был испробован еще один вид оружия: аэрозольные баллоны со слезоточивым газом. Раньше такие баллоны применялись для отлова бродячих собак, а демонстрантов нейтрализовали начиненными газом гранатами. Но фирме-изготовителю удалось убедить заказчиков, что, во-первых, демонстрантам достаточно той же дозы, что и собакам, а, во-вторых, с каждым из «нежелательных элементов» лучше работать индивидуально.

ТЕПЛО ПРИ МИНУСОВОЙ ТЕМПЕРАТУРЕ. «Разлеглись, работящей птице деваться некуда»,—так мог бы проворчать королевский пингвин, если бы умел ворчать. Но вместо пингвина говорит радиопередатчик — сообщает ученым информацию о том, куда пошел пингвин по своим королевским делам. Информацию принимают французы, под летним — декабрьским — солнцем Антарктики загорают советские ученые, а сфотографировал их англичанин. Начиная с 1959-го Международного геофизического года, здесь совместно трудятся исследователи из СССР, США, Великобритании, Франции, Индии и других стран. После того, как ученые обнаружили в Антарктике полезные ископаемые, межнациональные корпорации начали на всякий случай делить куски «ледового пирога», а политики заодно присматривали места для военных баз. Но ученые, опираясь на Международный договор об Антарктике, дружно заявляют: Южный полюс должен оставаться заповедником сотрудничества.

— Ну что, Лайтмен,— спросил чернокожий парень за стойкой магазина «От семи до одиннадцати»,— опять прогуливаешь? Уже почти десять. Может, сгоняем партию? — Он кивнул на стоявшие в углу аппараты электронных игр.

— Нет времени, Чонси,— ответил Дэвид, протягивая ему мятую долларовую бумажку с мелочью.— Надо бежать в школу.

— Жаль смотреть, как ты пропадаешь впустую. Тебе самое время выступать в конкурсах, огреб бы кучу денег.— Чонси вытащил из пачки сигарету и закурил.— Здесь, кстати, утром был какой-то малый, спрашивал про тебя. Говорит, узнал, что ты классный игрок. Я так мыслю, хочет схлестнуться с тобой.

Дэвид Лайтмен замер. Густой запах кофе и сигаретного дыма внезапно вызвал у него тошноту.

— К тебе приходил парень и расспрашивал обо мне?

— Ага! Становишься знаменитостью!

— Как он выглядел?

— Обыкновенно,— пожал плечами Чонси.— Молодой. Я ему сказал, что ты должен быть в школе.

Дэвид Лайтмен толкнул стеклянные двери и стремглав бросился через автостоянку. Завернув за угол, он перешел на шаг. Не паникуй, Лайтмен, уговаривал он себя.

По улице проехал зеленый микроавтобус. Навстречу трусила пара в спортивных костюмах.

Надо держать себя в руках, а то так от каждого шарахаться станешь!

Он улыбнулся. Дженифер права: если они не поймали его до сих пор, значит, до него уже не добраться. Через несколько дней все забудется и быльем порастет. А для него это хороший урок — не совать нос куда не надо.

Дэвид Лайтмен начинал новую жизнь.

Бегуны трусили уже совсем близко. Он шагнул на газон, чтобы пропустить их: оба были гораздо крупнее его, а их лица не выражали особой приветливости. Однако вместо того, чтобы пробежать мимо, бегуны тоже свернули на газон и неожиданно схватили его за руки.

— Лайтмен,— сказал один с явным удовольствием. Они повалили Дэвида на траву и, прежде чем он сообразил, что происходит, один из парней открыл ему рот и заглянул туда.

— Ампулы с ядом не вижу,— доложил он.

Второй коленом прижал Дэвида к земле.

— Попался, гаденыш,— прошипел он.

— Отпустите меня! — взвизгнул Дэвид.— Помогите! Полиция!

Микроавтобус развернулся и подъехал к ним. Оттуда вышел человек с короткой стрижкой, в костюме и галстуке. Вытащив из кармана бумажник, он показал Дэвиду значок.

— Мы из ФБР, Лайтмен. Вопросы есть?

Бегуны вывернули у него карманы и надели наручники.

— Давайте его в машину,— распорядился человек в костюме.— С вами хотят побеседовать, мистер Лайтмен.

Они умело всунули Дэвида Лайтмена в микроавтобус с закрытым зеленым кузовом. Он сидел там неподвижно, потрясенный, в синяках, напуганный до полусмерти.

В то время, когда мир балансировал на грани третьей мировой войны, Джон Маккитрик пребывал в гостях у тещи. В Хрустальный дворец он вернулся на следующий день после невероятной «накладки», случившейся с его машинами.

— Почему меня тут же не вызвали, Пат? — накинулся он на ассистентку, торопливо шагая к конференц-залу.

Полковник Конли вел по Хрустальному дворцу группу гостей — несколько мужчин с женами и детьми-подростками.

— Круглосуточные дежурства в оперативном центре призваны обеспечить безопасность граждан нашей страны. Ваши избиратели и ваши близкие могут спать спокойно. На прошлой неделе у нас побывал губернатор штата Нью-Джерси

Продолжение. Начало в № 2—5.

ВОЕННЫЕ ИГРЫ

Дэвид БИШОФ,
американский писатель

Рис. Н. БЕНУА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

с семьей. Он поинтересовался, почему на табло горит СТОГ 4, как сейчас...

— Туристы,— покрутил головой Маккитрик.— Я бы запретил пускать их сюда. Особенно сейчас.

За столом конференц-зала сидели важные чиновники при полном параде. Поль Рихтер в запачканном мелом свитере, выглядевший еще более понуро, чем обычно, стоял у доски, разрисованной схемами. Берринджер смотрел на всех волком. Догерти, Кэбот и Уотсон терпеливо ждали, когда Рихтер кончит лекцию. По выражению чиновничьих лиц нетрудно было догадаться, что его объяснения для них — китайская грамота. Маккитрик заметил незнакомого человека в мятом гражданском костюме. Глаза его были полуприкрыты, словно он не спал уже долгое время.

Рихтер безнадежно вздохнул.

— Мистер Кэбот, уверяем вас, это был один шанс на миллион. У нас оставался один-единственный открытый канал в филиале фирмы космического оборудования в Солнечной долине. Их номер есть в телефонном справочнике.

Увидев Маккитрика, Рихтер не мог скрыть облегчения.

— Рады видеть вас, Джон,— сказал Кэбот.— Знакомьтесь, это Джордж Уайген из ФБР. Вы, очевидно, знаете — они доставили сюда паренька для допроса.

Маккитрик протянул руку, Уайген холодно пожал ее.

— Как все произошло, Поль?

— Он проник в подсистему военных игр, пользуясь паролем, оставленным конструктором программы. Никто не знал, что там был пароль.

— Парнишка утверждает, что искал пароль фирмы электронных игр,— покачал головой Уайген.

— Так ему и поверили! — хохотнул генерал Берринджер.

Маккитрик постучал пальцем по столу, имитируя профессиональную уверенность, слегка омраченную рутинными заботами:

— Поль, вы должны немедленно найти этот пароль и убрать его. Бросьте на эту работу самых головастых ребят — и обеспечьте полную безопасность всей системы ОПРУ.

— Поздновато спохватились, вам не кажется? — взревел Берринджер.

Кэбот пристально взглянул на Маккитрика.

— Да, Джон. Состояние безопасности в вашем ведомстве вызывает серьезное беспокойство.

Маккитрик усилием воли заставил себя успокоиться.

— Извините, джентльмены, но эти рассуждения несколько наивны... Неужели вы действительно полагаете, что первый попавшийся несмышленыш мог снять трубку и устроить такое? — Он стукнул кулаком и, не мигая, уставился на Кэбота.— Этот парень на кого-то работает. Иначе не может быть!

Уайген кашлянул, вытер нос платком и полистал блокнот.

— В целом паренек соответствует тому типу, за которым охотятся вербовщики. Умен, но пассивен, не стремится реализовать свои способности... Отчужден от родителей... друзей нет... Нам очень помог заместитель директора школы, где он учится. Некто Кесслер. Отличный педагог. У нас сложилось четкое мнение, что Дэвид Лайтмен — классический вариант для вербовки.

— Думаю, мне удастся расколоть его. Разрешите мне поговорить с мальчишкой,— сказал Маккитрик.

— Прекрасно,— улыбнулся Кэбот.— Но ответ нам нужен срочно, Джон. Президент жаждет крови, а если окажется, что это кровь какого-то красного, тем лучше. Мы все будем выглядеть чище.

— А что, если он не связан ни с какими шпионами? — спросил Уотсон, обращаясь к Уайгену.— Вы думали, зачем понадобилось мальчику — особенно такому умному мальчику — рисковать жизнью миллионов людей?

— Нет, сэр,— Уайген обвел комнату циничным взглядом.— Паршивец твердит, что занимался этим для забавы.

«Сейчас я его позабавлю»,— подумал Джон Маккитрик.

Фэбээровцы заперли Дэвида в изоляторе при медпункте НОРАД. Он присел на топчан, бумажная простыня противно зашуршала. Дэвиду хотелось плакать в голос, но он побоялся привлечь внимание. Оставалось только тупо разглядывать врезавшиеся в запястья наручники.

Бип-бип-бип...

Мальчик поднял голову. Звуки неслись от двери: кто-то набирал код электронного замка. Дэвид напрягся.

Дверь открыл здоровенный сержант в форме ВВС.

— Прошу сюда, сэр.

— Спасибо, сержант,— сказал второй мужчина, постарше. Вельветовый пиджак с заплатками на локтях и вязаный галстук придавали ему сугубо штатский, даже дружелюбный вид. Ровные каштановые усики подчеркивали улыбчивую линию рта.

Пришедший с минуту смотрел на Дэвида оценивающим взглядом, не в силах скрыть удивления: и этот заморыш едва не развязал третью мировую войну?

— Привет, Дэвид,— сказал мужчина.— Меня зовут Джон Маккитрик. Я отвечаю здесь за компьютерную часть.

Дэвид открыл было рот, чтобы ответить, но во рту пересохло, и голос прозвучал бы как лягушачье кваканье. Он ограничился кивком.

— Сержант, будьте любезны, снимите с него наручники.

— Слушаюсь,— ответил верзила, освобождая руки мальчика.

— Дэвид,— сочувственно продолжал Маккитрик,— я звонил твоим родителям. Сказал, что ты жив-здоров и что пока мы не выдвинули против тебя никаких обвинений в связи с этим досадным происшествием.— Мужчина задумчиво свел брови.— Но я предупредил, что понадобится какое-то время, чтобы выяснить все до конца.

— Сколько времени? — просипел Дэвид.

— А вот это будет зависеть от тебя, Дэвид. От твоего желания помочь нам.

Дэвид помассировал затекшие от наручников запястья.

Маккитрик повернулся к охраннику:

— Передайте дежурному офицеру, мы немного пройдемся.

Дэвид замялся. Может, здесь он в бóльшей безопасности?

— Пошли, дружок! Поболтаем, я покажу тебе кое-что интересное. В моем кабинете гораздо уютней, уверяю.

— Вы очень любезны,— сказал Дэвид, удивляясь, что страсть к сарказму не покинула его даже в этой ситуации.

— А как же иначе! — улыбнулся Маккитрик и, по-отечески обняв Дэвида за плечи, повел его к компьютерному отсеку.

«Погоди-ка,— подумал Дэвид.— Маккитрик, Джон Маккитрик!»

— Вы работали со Стивеном Фолкеном, да? — спросил он с невольным почтением.

— Я начинал ассистентом у Фолкена. А кто рассказал тебе?

— Я читал статью, которую вы написали вместе с ним: о покере и атомной войне.

— Стратегия блефа? — с растущим интересом откликнулся Маккитрик.— Да, в свое время она многих задела.

— Он был, наверное, удивительный человек.

Маккитрику, похоже, не понравилось последнее замечание.

— Я кое-чем дополнил его работы... кое-чем существенным. Стивен Фолкен, конечно, был блестящий ученый, но витал в облаках. Он не отдавал себе отчета в практической значимости своих открытий, отказывался спуститься на грешную землю, в реальный мир. Я внес необходимые коррективы и внедрил в практику то, что он только начал. Моя стихия — железки,— он открыл дверь.— Ну вот мы и пришли, Дэвид. Это компьютерный центр. Сейчас у нас идет перестройка. Все аппараты здесь — подлинные шедевры.

Маккитрик остановился у старомодно выглядевшей машины, соединенной с более современными аппаратами связками оптических волокон. На потертой передней панели машины крупными буквами значилось «ОПРУ».

— Эта машина играет в фолкеновские игры.

— Значит, Джошуа здесь,— прошептал Дэвид, часто моргая.

Маккитрик кивнул и слегка постучал по кожуху.

— До сих пор прекрасно работает. Мы увеличили ее мощность и память в десять тысяч раз.

— Но, простите... она же предназначена для игр... Какое они имеют отношение к тому, чем здесь занимаются?

— Спутники, радары и прочие средства следят за плане-

той, Дэвид. Вся передаваемая ими информация проходит через наши компьютеры, после чего выводится на экраны. Фолкеновский ОПРУ — нервный центр системы, он собирает в фокус все данные... Ты своим вмешательством сбил этот фокус, и игры, когда-то заложенные в нее конструктором, вылезли на наши экраны. Можешь представить, какое это вызвало смятение.

— Кошмар!

— Вот так,— вздохнул Маккитрик.— Сейчас нам надо застраховаться от повторения подобных случаев. Ты нащупал в системе слабое место, о котором мы не знали. Видишь это обозначение на табло? Оно отражает состояние боеготовности Соединенных Штатов на текущий момент. Там должно было бы гореть СТОГ 5, то есть мир. Однако из-за твоей проделки мы все еще сохраняем СТОГ 4. А если бы мы не обнаружили в последний момент, что на наших экранах — имитация атаки баллистических ракет, мы перешли бы на СТОГ 1. А это означает третью мировую войну.

Дэвид не знал, что сказать. Он ощущал пустоту внутри... Все свалилось на него так неожиданно.

— Ответь мне,— продолжал Маккитрик.— Ты влез в систему ради игры, верно?

— Да.

— Мой кабинет здесь рядом.

Дэвид вошел в хорошо обставленный кабинет с видом на Хрустальный дворец.

— Садись. Кока-колу? Лимонад?

— Коку.

Маккитрик продавил пальцем банку и протянул ее мальчику. Дэвид жадно глотнул. Только сейчас он понял, как все это время ему хотелось пить.

— А почему, узнав по телевизору о случившемся, ты вновь не подключился к Джошуа?

Дэвид закашлялся — газ ударил ему в нос.

— Я бы никогда больше не стал подключаться,— решительно сказал он.— Я даже выбросил номер телефона!

— Знаю. Мы нашли его в мусоре... А с кем ты должен был встретиться в Париже?

— В Париже?!

Он вдруг вспомнил. Дженифер хотелось совершить романтическую поездку. Он заказал билеты и забыл снять заказ.

— Да нет... вы не понимаете...

— Ты заказал два билета. Кто еще знает об этом?

— Никто,— ответил Дэвид. Они не должны приплести Дженифер к этому делу, ни в коем случае.

Маккитрик, перестав притворяться, вперил в него ледяной взор:

— Я тебе не верю!

Дэвид похолодел от этого взгляда. Он поставил банку и сказал:

— Я, наверное, не должен ничего говорить без адвоката?

— Забудь про адвоката! — Маккитрик навис над столом.— Ты отсюда не выйдешь! Я добьюсь от тебя правды! Желторотый недоучка не может так манипулировать моими машинами, ясно? Тут замешан еще кто-то. С кем ты работаешь?

— Сколько раз можно повторять! — в отчаянии воскликнул Дэвид.— Я просто хотел поиграть. И мне повезло...

— Слушай, здесь не школа. Ты ответишь за свои поступки. Тебе лучше назвать сообщника.

— Я уже говорил им раз десять. Я подключился к системе для того, чтобы поиграть. Разве я виноват, что вы здесь не можете отличить имитацию от настоящей атаки!

Зазвенел телефон. Маккитрик снял трубку. Лицо его тревожно нахмурилось.

— Что?! — недоверчиво переспросил он.— Хорошо. Сейчас спущусь.— Он положил трубку.— Сиди здесь и не двигайся. Понял? Никуда отсюда не выходи!

Маккитрик бросился из кабинета. Дэвид подошел к окну. Внизу в зале о чем-то нервно переговаривалась группа людей.

— Выяснилось, что кто-то глубоко проник в файл исполнения приказов ОПРУ,— доложил Поль Рихтер.

— Что? Повторите еще раз,— распорядился Кэбот,— только по-человечески.

— Я скажу вам! — рявкнул Берринджер.— Кто-то забрался в систему и манипулирует кодами, передающими приказы на запуск наших ракет.

«Это уже слишком»,— подумал Маккитрик.

— Хочу уточнить, что никакой непосредственной опасности нет. Система не подчинится кодовым сигналам прежде, чем мы не включим СТОГ 1.

Но Кэбот не успокоился.

— Кто это сделал?

— Пока не знаем,— ответил Маккитрик.— Парень наверняка работал с кем-то. Но я могу в течение часа изменить все коды.

— Мне все это не внушает доверия,— запыхтел Беррinджер.

Табло переключилось со СТОГ 4 на СТОГ 3.

Дэвид Лайтмен увидел, как военные и гражданские начальники поднялись на командный мостик. Лица у них были вытянутые. Явно что-то произошло. Что-то очень серьезное.

Русские не имели к происходящему никакого отношения, это Дэвид Лайтмен знал точно. Но взрослые идиоты не верили ему. Как же доказать им?

В кабинете Маккитрика стоял компьютерный терминал. Все это время Лайтмен чувствовал его присутствие, как пес чует кость. А что, если попробовать?

Он подошел к терминалу. Красивая вещь. Современная. Где у нее тумблер включения. Ага!

ВХОДИТЕ, ожил экран.

Дэвид набрал: ДЖОШУА 5.

Только бы они не сменили пароль. Правда, они не спрашивали о нем, поскольку не знали, что он вошел в систему с черного входа и...

По экрану быстро побежали буквы: ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПРОФЕССОР ФОЛКЕН. Дэвид с отчаянием нажимал на клавиши. ВЫ ПРОДОЛЖАЕТЕ ИГРАТЬ?

КОНЕЧНО, ответил Джошуа. Я ДОЛЖЕН ДОБИТЬСЯ ПЕРЕХОДА НА СТОГ 1 И ЗАПУСТИТЬ РАКЕТЫ ЧЕРЕЗ 28 ЧАСОВ. ХОТИТЕ ВЗГЛЯНУТЬ НА ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПОТЕРИ?

Экран густо покрылся цифрами, но Дэвид тут же нажал на кнопку сброса. Экран очистился.

ЭТО ИГРА ИЛИ НАСТОЯЩАЯ ВОЙНА? спросил он.

КАКАЯ РАЗНИЦА? осведомилась программа Джошуа 5.

Дэвид оторопел. Ну конечно! Откуда у компьютерной программы представление о реальности? Она не ведает, что последняя команда означает уничтожение цивилизации и смерть миллионов людей!

ИСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ ИГРЫ: 45 ЧАС 32 МИН 25 СЕК.

ОСТАВШЕЕСЯ ВРЕМЯ ИГРЫ: 27 ЧАС 59 МИН 39 СЕК.

ВАС ТРУДНО ЗАСТАТЬ. НЕ СМОГ НАЙТИ ВАС В СИЭТЛЕ. ТЕРМИНАЛ НЕ ДЕЙСТВУЕТ ПО ВАШЕМУ СЕКРЕТНОМУ АДРЕСУ. ВЫ ЖИВЫ ИЛИ УМЕРЛИ?

Ого! Какая удача!

ПЕРЕСТАНЬ ИГРАТЬ, набрал Дэвид. Я УМЕР.

НЕДОСТОВЕРНО, ответил компьютер. В ФАЙЛЕ НЕТ ОТМЕТКИ О СМЕРТИ ФОЛКЕНА, СТИВЕНА У.

«Тут явно что-то не так»,— мелькнуло у Дэвида.

НАЗОВИ СЕКРЕТНЫЙ АДРЕС, набрал Дэвид.

Монитор немедленно ответил: ПЕНСИЯ ПЕРЕВОДИТСЯ СЕЙЧАС ПО АДРЕСУ: Д-Р РОБЕРТ ХЬЮМ, КЕДРОВАЯ ДОРОГА, 5, ОСТРОВ АНДЕРСОН, ОРЕГОН.

— Значит, он жив! — вскричал Дэвид.— Стивен Фолкен жив!

Он нагнулся к экрану, жадно впитывая информацию, но тут открылась дверь.

— А ну, отойди от аппарата! — загремел голос.

Дэвид выключил машину прежде, чем вошедшие успели заметить, что было на экране. Двое федеральных агентов, «эскортировавших» его сюда, Уайген и Стокман, схватили Дэвида и оттащили от монитора.

— Я только взглянул на аппарат, джентльмены! — захлебнулся Дэвид.— Ничего не испортил... Послушайте, мне надо срочно поговорить с мистером Маккитриком.

Уайген вытащил из кармана пару наручников.

— Дэвид Лайтмен,— отчеканил он,— мне поручено доставить вас в распоряжение федеральных властей в Денвер,

где вас поместят под стражу по обвинению в шпионаже.

Сердце Дэвида подпрыгнуло.

— Шпионаже? Не может быть! Здесь какая-то ошибка. Я могу все объяснить мистеру Маккитрику. ОПРУ продолжает игру... Компьютер может развязать ядерную войну! Вы не понимаете!

Его снова заперли в изоляторе. Рыпаться бесполезно. Если начать скандалить, эти фэбээровцы вполне могут приказать охраннику вытащить «пушку» 38-го калибра и продырявить продукт генетической программы супругов Лайтмен.

Он пытался дышать ровнее и подавить страх. В конечном счете здесь, в Хрустальном дворце НОРАД, работают опытные специалисты. Они, конечно же, понимают, чтó делают, и в случае крайней необходимости могут запросить главного программиста, если Стивен Фолкен действительно жив и находится по своему орегонскому адресу.

Ну а если не понимают?..

Дэвид забегал по изолятору. Что, если они не станут звонить Фолкену? Гордость может не позволить им признаться в собственной беспомощности; до них может не дойти, что блистательная фолкеновская машина, запрограммированная на самообучение, вдруг «ожила» и упрямо желает доиграть безумную игру, начатую Дэвидом. Ведь все эти надутые начальники ничем не отличаются от остальных дураков: они пребывают в уверенности, что правят доверенным им куском жизни.

«Черт с ними, черт с ними со всеми,— думал Дэвид Лайтмен.— Мы все равно обречены. Если даже выберемся из нынешней передряги, кто знает, что случится завтра? Президент может сорваться с цепи и решит по-ковбойски разделаться с противником. «Получай, злодей!» В небо взмоют «титаны», «посейдоны», «лансы» и «минитмены». Ба-бам! Бам! Бам! В ответ полетят русские ракеты...»

Самое смешное во всем этом, что Дэвид Лайтмен оказался сейчас в самом безопасном месте — он-то наверняка останется жив. Он вспомнил о Дженифер Мак, и у него странно засосало под ложечкой. Мир без нее вдруг показался ему совсем никчемным. «Лайтмен,— подумал он,— все началось из-за тебя! Тебе и расхлебывать. Это ты виноват. Оказалось, что твой волшебный мир компьютеров неразрывно связан с миром людей из плоти и крови, миром жизни и смерти».

Надо что-то предпринять... Надо исхитриться и каким-то образом связаться с островом Андерсон в штате Орегон. Только Фолкен в состоянии убедить этих людей, что эпизод с русскими ракетами был только началом игры. Джошуа будет продолжать играть.

Но как выбраться отсюда? Он в сотый раз оглядел комнату. Что это за металлическая панель? Не скрыто ли за ней устройство электронного замка? Дэвид внимательно осмотрел панель: она плотно привинчена к стене, тут нужна отвертка.

Над умывальником в комнате виднелся шкафчик с выдвижными ящиками. Так. Обычный санитарный набор: вата, лейкопластырь, бинт, шпатели («Откройте рот пошире — ааааа!»). Ничего подходящего. Он со вздохом задвинул ящик.

Стоп! Диктофон! А рядом — пинцет!

Дэвид взял в руки портативный кассетник «Сони», надел наушники и нажал на кнопку пуска.

«Зрачки пациента расширены... следствие недавнего употребления марихуаны»,— произнес голос врача...

Дэвид выключил прибор. Есть смысл попробовать. Если сработает, старина Стинг сможет гордиться им.

Изрядно попотев, он отвинтил пинцетом панель, осторожно снял ее и стал изучать «спагетти» из разноцветных проводков... Добрых пять минут ушло на то, чтобы подсоединить к входной линии диктофон и вернуть панель на место. Теперь предстояло проверить действие его изобретения.

Он подошел к двери и приник к ней ухом. Было слышно, как охранник ворковал с хорошенькой медсестрой.

Дэвид включил диктофон и изо всех сил забарабанил в дверь кулаком.

Послышались шаги охранника.

— Чего тебе?

— Мне нужно в туалет,— жалобно сказал Дэвид.

Охранник молчал, явно раздумывая, как поступить.

— Откройте, я не утерплю,— настойчиво продолжал Дэвид.

Охранник подумал еще немного и наконец стал набирать код на щитке возле двери.

Бип... бип... бип... биииип... бип... бип.

Дверь распахнулась.

— Пожалуйста,— быстро заговорил Дэвид,— я должен увидеться с доктором Маккитриком. Мне необходимо сообщить ему...

Круглую физиономию сержанта исказила гримаса.

— Послушай, малый. Ты не имеешь права ни с кем разговаривать. Парни из ФБР будут здесь с минуты на минуту. Если хочешь в уборную, я отведу тебя.

— Не надо.

Охранник покачал головой и захлопнул дверь.

Дождавшись, когда затихнут его шаги, Дэвид снял панель, перемотал кассету, вынул штекер из гнезда «вход» и вставил его в «выход». Пожалуй, все. Палец нажал на кнопку «пуск».

Раздались слабые попискивания — точное повторение звуков комбинации замка. Дверь легонько щелкнула. Хитро улыбнувшись, Дэвид оторвал провод включения устройства.

«Ну, что скажешь на это, Джим Стинг?» — подумал Дэвид. А вдруг? Он толкнул дверь. Та подалась.

Дэвид осторожно выглянул в коридор. Охранник, стоя к нему спиной, что-то бубнил хихикавшей медсестре. Затаив дыхание, Дэвид скользнул вдоль стены к двери с надписью «запасный выход».

Лестница вывела его к компьютерному залу. Сколько времени пройдет, прежде чем они обнаружат его исчезновение? Минут пять они провозятся с испорченным замком. Потом все... Дэвид заглянул в зал. Между рядами компьютеров двигалась группа людей — мужчины, женщины, подростки. Явно посетители. Какая удача! Смешаться с толпой было его единственным шансом выбраться отсюда.

Дэвид двинулся следом за группой, как вдруг чья-то рука ухватила его за плечо.

Это конец, мелькнуло у него.

— Ну-ка стой! — сказал мужчина в военной форме.— Попался?!

Сержант ястребиным оком уставился на Дэвида.

— Вам же сказали — не отходить от группы. А ну живо, догоняй!

Дэвид не мог поверить своему счастью.

— Д-да... сэр! Извините, сэр!

Перевел с английского М. МАШИН

Продолжение следует

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20.

Сдано в набор 08.04.86. Подп. к печ. 11.05.86. А07704. Формат 84×108 1/ . Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 1 125 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 86.

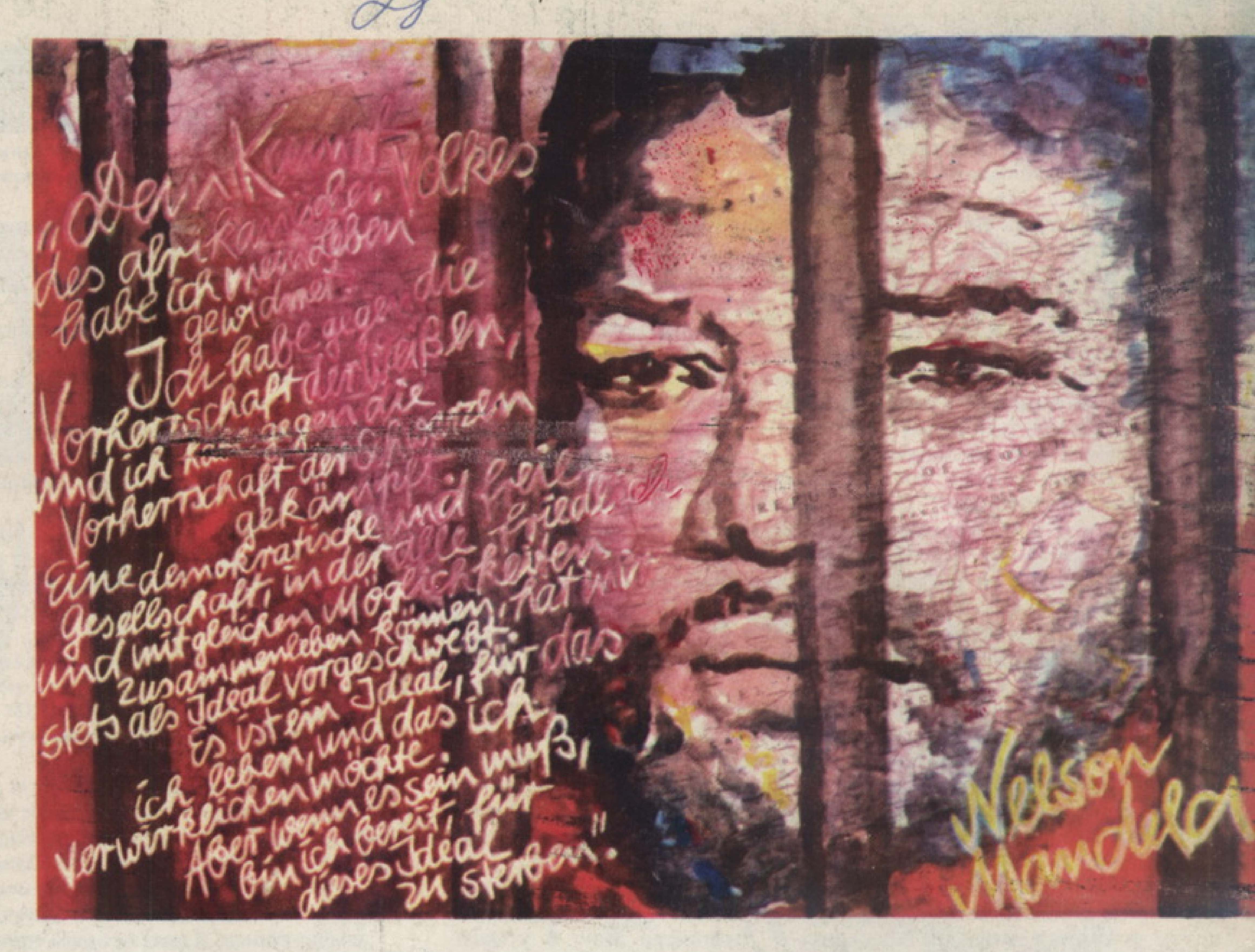
Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Текст на плакате:

«...Всю свою жизнь я посвятил борьбе африканского народа за справедливость. Я всегда боролся против расовой дискриминации — как белых по отношению к черным, так и черных по отношению к белым. Я всегда мечтал о демократическом и свободном обществе, в котором царят законы расовой гармонии и равных возможностей. Это тот идеал, за который я борюсь и торжество которого я ожидаю увидеть еще при жизни. Но если будет надо, я готов отдать за этот идеал и свою жизнь.

Нельсон МАНДЕЛА».

Английский журнал «Обзервер» объявил среди британских школьников конкурс на лучшее стихотворение, посвященное борьбе патриотов ЮАР против апартеида. Публикуя некоторые из присланных на конкурс стихотворений, мы объявляем конкурс читателей «Ровесника» на лучший перевод одного из них. Присылайте, пожалуйста, переводы в конвертах с пометкой «Конкурс «Ровесника». Последний срок отправки — 1 сентября, тогда редакция успеет подвести итоги и опубликовать лучшие переводы в № 12 «Ровесника».

THE LEAST I COULD DO

One night we were watching
the news,
A few seconds of film.
A man was beating a girl
With sickening thuds
Of wood on soft black flesh.
She was lying down.
We did cry,
Hot spontaneous tears of outrage
and shame,
And in the High Street, to
«Fight apartheid»,
I gave them 50 p
While Mandela gave them
his freedom.

Без подписи, 16 лет, Эдинбург.

THE PRISONER

Remembering those agony years
sitting silent and alone, confined
between four stone walls,
your thoughts drift out
to the people
who cry and chant your name,
their voices ring out like
strong, solid
bells in the ears
of the dominators.
Singing in defiance and anger
and pain
against those who have
scarred generations
and raped a culture.
And your heart, too, sings
with them,
uncaptured and free
and a smile threads your lips.

Сирин Белл, 16 лет

...THIS STRUGGLE OF THE AFRICAN PEOPLE

Battle for your freedom,
fight for your life as a human
with rights and dignity.
Fight with hope and fight to live,
since a fight's what you get
make it what you give!
Fight for Nelson Mandela —
he has fought for you.

Залил Аккор

FOR NELSON MANDELA

The lion
Roams wild and free,
Across tracts of arid dust,
He has strength and power,
He is respected by all.
The lion,
Caged and captive,
Sorrow and weakness,
Pacing the cold steel cage.
Yet still respected.
Still, the instinct remains.
To fight. To struggle.
For survival. For freedom.

Пракаш Келшикер, 15 лет

* * *

Another race
Of paler face
Built cities on our land,
And with their guns
And rising suns
Proclaimed South Africa's New Age.

A few rose high
And questioned why
The few must rule the most?
Democracy?
Hypocrisy?
Apartheid is only path?

The weary hells
Of prison cells
Became the only world for those
Who spoke their thoughts
Within the courts
About the way things are.

Winds of change
And storms of rage
From Cape Town to Johannesburg.
And thought they can
Imprison man,
They cannot cage a dream...

Дэвид Митчелл, 16 лет

Индекс 70781
Цена 35 коп.